

Геннадий Зельдович

ПОЧЕМУ РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ БЫВАЮТ ДВУВИДОВЫМИ?

0.1.1. В русском, как и в других славянских языках, имеется сравнительно компактная группа глаголов с морфологически не выраженным видом. Отчасти это глаголы исконные, отчасти – заимствованные. Не претендующий на полноту список таких слов представлен в (1-4). Почему они разбиты на группы именно таким образом, прояснится позднее.

(1) а. Велеть, даровать, исповедоваться, миловать, молвить, напутствовать, обещать, ответственность;

б. Абонировать, авторизовать, амнистировать, аннексировать, анонсировать, апеллировать, аргументировать, арендовать, ассигновать, атрибутировать, аттестовать, гарантировать, датировать, декларировать, денонсировать, интерпретировать, информировать, канонизировать, капитулировать, кодифицировать, конкретизировать, констатировать, конфисковать, кооптировать, легализовать, мотивировать, нюансировать, перифразировать, премировать, ратифицировать, реабилитировать, резервировать, резюмировать, рекомендовать, схематизировать, телеграфировать, утрировать.

(2) Венчать, исповедовать, крестить, освидетельствовать, приветствовать.

(3) Бежать (из тюрьмы и т.п.), воздействовать, женить, жениться, заимствовать, использовать, исследовать, казнить, каменовать, колесовать, миновать, наследовать, оборудовать, образовать, обследовать, опосредовать, опробовать, расследовать, стяжать, четвертовать.

(4) Акклиматизировать, активизировать, атаковать, блокировать, деградировать, идентифицировать, инвестировать, мобилизовать, модернизировать, организовать, реставрировать, ретироваться, симулировать, стилизовать, стимулировать, фальсифицировать, электрифицировать.

Известно, что при формировании категории вида русский язык систематически избавлялся (с помощью префиксации и суффиксации) от аспектуально неоднозначных глаголов. Уместен вопрос, почему исконные глаголы типа (1а) и (2-3) избежали общей участи и остались двувидовыми, – равно как и вопрос, почему именно такие, а не другие заимствованные глаголы (тип 1б и тип 4) осмысляются то как глаголы совершенного, то как глаголы

несовершенного вида,¹ – то есть вопрос, какие же свойства глагола predisполагают его к двувидовости.

Мы исходим из гипотезы, что двувидовость возникла отнюдь не случайно и что такие свойства действительно можно обнаружить. Как бы ни были разнообразны двувидовые глаголы по значению, до тех пор, пока не продемонстрировано обратное и пока не остались безуспешными самые серьезные попытки увидеть за на первый взгляд случайным нагромождением фактов содержательную мотивацию, – до этих пор разумно предполагать, что такая мотивация все-таки есть.

0.1.2. Выявить ее в свое время пыталась Л.Кнорина в проницательной статье (1976). Общую идею этой работы мы всецело разделяем: двувидовость связана с полной или частичной нейтрализацией видового противопоставления. Однако в более частном вопросе – *как именно* происходит эта нейтрализация – мы с Л. Кнориной расходимся.

В Кнорина 1976 основное различие между СВ и НСВ усматривается в том, что СВ обозначает достижение внутреннего предела действия ("результат"), а НСВ – отсутствие (или потенциальное отсутствие?) такого достижения ("процесс").

На самом деле в своем реальном употреблении СВ и НСВ по этой линии обычно как раз *не* различаются. Достаточно вспомнить, что итеративный НСВ почти всегда обозначает *достижение предела* действия, т.е. «результаты» (скажем, фраза *Я по утрам жарю яичницу* нормально интерпретируется в смысле 'каждый раз яичница дожаривается до готовности'); то же самое верно для имперфектного (иначе – общефактического) НСВ и СВ в будущем времени (например, *Я на завтрак жарил яичницу*, кроме особых случаев значит 'пожарил'; *Я буду жарить яичницу* – 'пожарю'). Вообще, НСВ "незаконченного действия" ("процесса") употребляется только там, где такую интерпретацию вынуждает языковой и/или ситуационный контекст, – например, в конструкциях типа "делал, но не сделал", либо в ситуации, когда есть особые основания ожидать, что будет использован СВ, а говорящий употребил НСВ: допустим, если преподаватель спрашивает студента, *прочитал ли* он такую-то статью (здесь самый нейтральный утвердительный ответ – эхоическое *Да, прочитал*, либо просто *Да*, где СВ *прочитал* все равно подразумевается, ибо в кратком ответе все эллип-

¹ Разумеется, поскольку последние две группы достаточно неустойчивы (происходит и распад двувидовости за счет суффиксации и префиксации, по типу арестовать – арестовывать, имитировать – симитировать, и одновременное пополнение этих групп новыми словами, такими, как сравнительно недавнее заимствование денонсировать), постольку говорить здесь можно только о тенденциях, но и это безусловно имеет смысл.

тированные части обычно "копируются" из вопроса), а студент уклончиво отвечает, что читал.

Наша альтернатива подобному (имеющему, конечно же, богатую академическую традицию) пониманию русского вида представлена в (Зельдович 2002), однако здесь о ней нет надобности подробно говорить. Важно только, что в действительности противопоставление СВ и НСВ оказывается многомерным, проявляя себя в целом ряде возможных оппозиций, которые будут названы ниже и среди которых оппозиция "процесс – результат" занимает весьма скромное место.

0.1.3. Глядя на списки двувидовых глаголов (1-4), приходится с сожалением констатировать, что того *семантического* инварианта, который оказался бы присущ всем двувидовым глаголам, не видно. Позднее мы убедимся, что инвариант имеется, только лежит он не в семантической, а, так сказать, в референциальной плоскости. Пока же, ради удобства изложения, мы будем исходить из более слабой гипотезы – что среди двувидовых глаголов есть, так сказать, "образцовые", прототипические двувидовые глаголы, обладающие всей полнотой предрасполагающих к двувидовому употреблению признаков, и есть глаголы, которые с первыми схожи, но признаки двувидовости у них ослаблены.

Начнем мы, конечно, с "прототипа", который рассматривается в части 1. Здесь будет показано, что у прототипических двувидовых глаголов все главные аспектуальные оппозиции – как мы их понимаем – действительно нейтрализуются и, следовательно, что феномен двувидовости действительно связан с ослабленной потребностью в отличении совершенного вида от несовершенного. В части 2 мы покажем, что самые важные свойства прототипических двувидовых глаголов разделяются и глаголами непрототипическими, и продемонстрируем, как такой подход помогает объяснить многие идиосинкразии – иногда вплоть до идиосинкразий сугубо локальных, присущих одной или нескольким двувидовым лексемам. Инвариантная черта двувидовых глаголов по своей природе окажется формальной: это крайне затрудненная сочетаемость с полностью неопределенными актантами типа *кто-то*, *что-то* (ср. *Кто-то объявил о новой передаче* (вид глагола маркирован, аномалии нет) – ^{??}*Кто-то анонсировал новую передачу* (глагол двувидовой, предложение малоприемлемо); *Тише, диктор что-то объявил* – ^{??}*Тише, диктор что-то анонсировал*), – однако в части 3 мы покажем, как этот изначально формальный запрет влияет на лексическое и/или грамматическое значение соответствующих глаголов и, таким образом, в конечном счете приобретает функциональное содержание.

1. Прототипические двувидовые глаголы: *verba dicendi*

1.1. Какие же глаголы из групп (1-4) считать "образцово двувидовыми"? Разумеется, те, которые формируют наиболее значительную семантически однородную группу. Найти эту группу среди глаголов (3) и (4) едва ли возможно, зато все глаголы из рядов (1-2) имеют самоочевидную смысловую общность: это все *verba dicendi* – глаголы, называющие речевое действие (*обещать, велеть, молвить, декларировать* и т.д.) или иное действие, которое с высокой вероятностью предполагает локуцию: например, когда *милуют, даруют, приветствуют, освидетельствуют, исповедуют, крестят*, принято *что-то говорить*.² (Вполне вероятно, что сюда же следует отнести и глагол *женить(ся)*, и даже *казнить*, которые мы поместили в рубрику (3), но в наших рассуждениях от этого мало что зависит. На особый статус глаголов речи среди двувидовых глаголов обращала внимание Л. Кнорина 1976).

Заметим, что и в других славянских языках, например в польском и словацком, единственная легко выделяемая среди двувидовых глаголов семантическая группировка – это все те же глаголы речи (см. (Mieczkowska 1998, 198). Особенно показательным, что во многих случаях омонимичный (или – многозначный) глагол имеет фиксированный вид в нелокутивном значении и оказывается двувидовым, когда называет речевой акт; ср. польский глагол НСВ *pasować*₁ 'подходить, годиться' и двувидовой *pasować*₂ 'посвящать/посвятить (в рыцари)'. Можно вспомнить и русский глагол *голосовать*, который в локутивном значении 'высказаться за кого-то или что-то' (и в его паралокутивных разновидностях, если голосуют поднятием руки, с помощью бюллетеня и т.п.) иногда трактуется как двувидовой, в значении же 'махать рукой, чтобы остановить машину', которое не имеет локутивного эквивалента, это безусловно несовершенный вид.

Важно, что и внутри двувидовых глаголов речи достаточно четко выделяются два типа: так сказать, "образцовые" *verba dicendi* (группа (1): *велеть, даровать, абонировать, авторизовать* и др.) и немногочисленные *verba dicendi*, которые относят нас к сильно ритуализированному действию (группа (2): *венчать, исповедовать, крестить, освидетельствовать, приветствовать*). Если в первом случае говорящий относительно свободно выбирает содержание локуции, то во втором пространство возможностей сужено: скажем, врач, который освидетельствует больного или преступ-

² В некоторых случаях не говорят, а пишут. В других случаях вместо речевого выступает иное знаковое действие; ср. ситуацию, когда приветствуют жестом, жестом отпускают грехи в конце исповеди и т.п. От подобных случаев, ввиду их вторичности, мы отвлекаемся.

ника, непременно должен сказать (написать) нечто вроде "здоров", "вменяем" – или наоборот; священник, который принимает исповедь, должен определенной ритуальной формулой призвать к покаянию, а позже отпустить грехи, и т.д. (Примечательно, что возвратное *исповедоваться* скорее относится к первому типу: что именно скажет исповедующийся, прогнозировать намного труднее).

Высокая ритуализированность речевых действий несколько отдаляет соответствующие глаголы от "двувидового прототипа" (в частности, соответствующие действия легче *повторить*; см. ниже). По своим свойствам эти глаголы скорее примыкают к группам (3-4), поэтому сначала мы сосредоточимся на "образцовых" глаголах группы (1).³

1.2. Наша гипотеза такова: глаголы речи (1) обходятся без формальных показателей вида потому, что в этом не возникло особой нужды: эти глаголы по своему смыслу настолько тяготеют к совершенному виду, что их употребление в несовершенном маргинально и связано только с особыми, так сказать, "вынуждающими" несовершенное прочтение контекстами.

Чтобы в этом убедиться, рассмотрим сперва, в какие вообще смысловые оппозиции могут вступать совершенный и несовершенный виды. Для простоты будем пока рассматривать только употребление глаголов в прошедшем времени (о непрошедшем см. ниже, п. 1.3.3).

Релевантных для прошедшего времени аспектуальных оппозиций мы видим пять (за подробностями отсылаем к (Зельдович 2002):

Оппозиция 1. Единичность действия (СВ) – многократность действия (НСВ).

Оппозиция 2. Значение перфектное, то есть результат действия важен в момент речи или в другой момент, выбранный за точку отсчета; для простоты условимся считать, что это всегда момент речи (СВ) – значение имперфектное (обычно говорят "общефактическое"): результат в момент речи по тем или иным причинам не важен (НСВ).

Оппозиция 3. Действие закончено (СВ) – действие не закончено (НСВ).

Оппозиция 4. Значение недуративное (СВ) – значение дуративное, то есть данное действие протекает одновременно с некоторым другим действием (НСВ), напр. *Когда Иван входил (≠ вошел), все перепугались*.

Оппозиция 5. Действие представлено как одно событийное целое (СВ) – действие представлено в его (потенциально наблюдаемом) протекании (НСВ в так называемом актуально-длительном значении).

³ Контраст двух групп дополнительно подчеркивается тем, что большинство глаголов из ряда (1) допускает перформативное употребление, тогда как в ряду (2) оно исключено.

Разумеется, далеко не для всякой "нормальной" видовой пары возможны все эти оппозиции (например, не может быть незаконченным моментальное действие: нельзя **приходить, но не прийти*; не всюду возможны и дуративное и актуально-длительное значения: *Когда он приходил...* допустимо только при многократной интерпретации), однако как минимум две – а именно, первая и вторая (единичность VS множественность и перфектность VS имперфектность) возможны для подавляющего большинства русских видовых пар.

Что же касается двувидовых *verba dicendi*, то их "аспектуальный репертуар" часто редуцирован почти до полного вырождения.

1.3.1. Во-первых, как и "одновидовые" глаголы речи, все эти глаголы, так сказать, саморезультативны: будучи начато, действие никогда не остается безуспешным. Если кто-то начал говорить нечто, что может рассматриваться как *обещание, повеление, декларация, анонс*, либо начал речевой акт, в результате которого кто-то будет *помилован*, что-то кому-то *даровано* и т.д., то говорящий уже *совершил* акт обещания, повеления и т.д. – таким же образом, как тот, кто что-то *говорил*, неизбежно тем самым и *сказал*. Ср. аномалию: **обещал, но не пообещал*; **велел, но не повелел*; **декларировал, но не продеklarировал*.

Следовательно, для двувидовых глаголов группы (1) нерелевантна – причем нерелевантна, если можно так выразиться, снова в пользу "совершенного" прочтения – Оппозиция 3 (действие закончено – действие не закончено).

1.3.2. Во-вторых, двувидовые *verba dicendi* группы (1) серьезно отличаются от обычных, недвувидовых глаголов речи в том отношении, что при употреблении последних *конкретное содержание* соответствующего высказывания может быть не важным, а при употреблении двувидового глагола оно важно *всегда*.

Так, можно *говорить (сказать) непонятные вещи*, можно *говорить наобум*, что-то непонятное можно *ответить*, можно *невразумительно объявить* – но ??*молвить непонятные вещи*, ??*молвить наобум*, ??*невразумительно анонсировать*, ??*ответствовать наобум* скорее всего нельзя. Можно *проводить гостя бурчанием*, но нельзя бурчанием *напутствовать*.⁴

То же самое верно, конечно, и для тех менее выразительных случаев, когда содержание речевого акта одинаково важно и при двувидовом, и при

⁴ Из примеров типа *'напутствовать проклятиями*, *'напутствовать советами* и т.п. видно, что аномалия в ??*напутствовать бурчанием* вызвана именно "иллокутивной аморфностью" последнего.

близком по значению обычном глаголе; например, всегда важно, *какие именно* вещи обещавший *обещал* (ср. глагол *посулить*, также не допускающий употребления типа ^{??}*посулил что-то непонятное*), а велевший *велел* сделать (близкий глагол – *приказать*; ^{??}*приказать что-то неясное* тоже нельзя); *какие именно* вещи *декларировались* в декларации (ср. глагол *заявить*, который не употребляется в контекстах типа ^{??}*что-то неясное заявить*); *какие именно* слова произнес тот, кто *даровал* или *миловал* (ср. *подарить* и *пощадить*; первый глагол почти всегда, а второй – часто локутивен. Ясно, что, будучи локутивными, оба они предполагают локуцию достаточно специфического рода).

Замечание. Между прочим, именно важностью содержания соответствующих высказываний объясняется несочетаемость двувидовых *verba dicendi* с фазисными приставками *за-* и *до-*.

Посмотрим, как ведет себя самый нейтральный глагол речи *говорить*. Формы *заговорить* и *договорить* уместны тогда, когда имеется в виду говорение "вообще", говорение, отвлеченное от своего содержания и взятое только в своем физическом аспекте. Если же это содержание конкретизируется (придаточным предложением с союзом *что* или другим изъяснительным союзом), то названные формы аномальны: ср. *Иван заговорил (договорил), что он болен*.⁵

Для двувидовых глаголов речи содержание соответствующего высказывания *всегда* важно, и отсюда аномалия: **заобещать*, **дообещать*, **завелеть*, **довелеть*, **замолвить* (в начинательном значении), ^{??}*домолвить*.

Далее, для двувидовых глаголов группы (1) оказывается важным не только конкретное содержание сказанного, но еще и *конкретный состав всех участников ситуации*. Особенно это наглядно в сфере *realis*, на которой мы и сосредоточимся; такое упрощение оправдано тем, что "реальное" употребление глагола непреложным образом первично по отношению к ирреальному (хотя, разумеется, "спасительные" модальные контексты типа *Едва ли кто-то будет анонсировать такую передачу* тоже были бы достойны рассмотрения).

Обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, в "реальном" высказывании с двувидовым глаголом никакой из участников ситуации не может остаться неопределенным: например, там, где он называется местоимением *кто-то*, *что-то* или именной группой с определением *какой-то*, последние подлежат доинтерпретации и обычно воспринимаются как "ситуативный заместитель" более полной дескри-

⁵ Подробно о соотношениях между "абсолютивным" *говорить/сказать* и *говорить/сказать, что...* см. Boguslawski 2004.

пции, которую говорящий имеет в виду и при желании способен был бы дать.

Так, фраза *Кто-то обещал мне помочь* хороша только в саркастическом смысле: обещал помочь адресат или иной, скорее всего присутствующий при произнесении этой фразы, человек – то есть кто-то совершенно определенный и только *умышленно* не называемый; фраза *Я обещал кому-то помочь* – только в смысле 'говорящий не хочет или считает ненужным называть того (конкретного, известного говорящему!) человека, которому обещал помочь'.

Если подобную "мысленную конкретизацию" и сопряженные с ней сильные стилистические эффекты исключить, то скорее всего возникнет аномалия; например, едва ли допустимо: **Кто-то миловал Ивана* (ср. близкое с одновидовым глаголом: ¹*Кто-то пожалел Ивана*); **Петр кого-то миловал*; ²*Кто-то велел поменять эту мебель – вот мы ее и выносим* (ср. близкое: ¹*Кто-то приказал поменять эту мебель – вот мы ее и выносим*); **Шеф велел что-то купить*; **Шеф велел купить какую-то мебель*; **Кто-то молвил: "Уйди!"* (ср.: ¹*Кто-то сказал: "Уйди!"*); **Она что-то молвила, но я не расслышал* (ср.: ¹*Она что-то сказала, но я не расслышал*); **Кто-то даровал Ивану свободу*; **Какой-то царь даровал Ивану свободу*; **Король что-то Ланцелоту даровал* (ср. ¹*Король что-то Ланцелоту подарил*); **Кто-то декларировал национальную независимость* (не безупречно, но значительно лучше: ²*Кто-то объявил о национальную независимость*); **Правительство что-то декларировало*.

Замечание 1. Во многих случаях обсуждаемую неопределенность актантов исключает не только двувидовой глагол, но и близкий по смыслу глагол с маркированным видом; например, **Кто-то пощадил Ивана* едва ли лучше, чем **Кто-то миловал*. Мы, однако, не имеем в виду, что эта идиосинкрязия характерна *только и единственно* для двувидовых глаголов (ср. Замечание 3 в п. 2.2). В наших рассуждениях важно лишь то, что у двувидовых она носит *систематический*, почти всеобщий, а у одновидовых – спорадический характер.

Замечание 2. В некоторых конструкциях, например в условных с союзом *если...* (ирреальные конструкции мы решили не рассматривать, но в *Если А, то В* ситуация А и/или ситуация В могут иметь *реальную* модальность) описанный запрет снимается, ср.: *Если кто-то обещал тебе золотые горы, лучше ему не верь*; *Если кого-то в отделе премировали, устраивается большой банкет*; *Если кто-то анонсировал новую телепрограмму, это всегда делается в интересах рекламодателей*. Дело здесь в том, что в каждой отдельной инстанции ситуация-условие и ситуация-следствие по отношению друг к другу *единичны* и, следовательно, в рамках одной

такой "пары" вполне определен – вопреки кажимостям – и тот актант, который обозначается как *кто-то/что-то*. (Ср. Зельдович 2002, Глава 1, где речь идет о "взаимной единичности" ситуаций при кратно-соотносительном употреблении совершенного вида).

Второе проявление обсуждаемой закономерности (для двувидовых глаголов группы 1 важен конкретный состав участников ситуации) заключается вот в чем: если участник ситуации назван существительным во множественном числе, то это всегда *собирательная*, а не разделительная множественность: несколько участников выступают *как одно целое*.

По-видимому, данное свойство разделяется подавляющим большинством обычных, недвувидовых *verba dicendi*, однако для наших рассуждений – независимо от того, какова степень его тривиальности, – оно достаточно важно, чтобы специально о нем упомянуть. (Позднее, в п.

2.2, будет видно, что применительно к нелокутивным глаголам оно все-таки *нетривиально*).

Скажем, во фразе *Друзья обещали Ивану помочь* друзья берутся как совокупность, а их обещание понимается как единый речевой акт. Например, сомнителен текст: ^{??}*Друзья обещали Ивану помочь: вчера Петр обещал, сегодня утром Александр, а днем Николай*. Предложение ^{??}*В разное время друзья обещали Ивану помочь* едва ли допускает обычную итеративную интерпретацию 'в разные моменты *кто-то* (возможно, *один*) из друзей обещал помочь'. Приемлемо только осмысление 'в разные моменты Иван получал обещание помощи от *многих* (или *всех*) друзей', где множественность друзей – *собирательная*.

Аналогичным образом, недопустима разделительная множественность объекта; ср. ^{??}*Иван обещал помочь друзьям: вчера Петру, сегодня утром Александру, а днем Николаю*.

Попытки навязать актантам *разделительную* множественность, например с помощью слова *разные*, практически всегда ведут к неудаче.

В одном случае соответствующие конструкции правильны, но при ближайшем рассмотрении именная группа с определением *разные*, вопреки его буквальному смыслу, оказывается все равно *собирательной*. Так, в предложении *Разные люди обещали мне помочь, но ничего из этого не вышло* на первом плане оказывается не многократность обещания, а его надежность, вероятность, что оно будет выполнено, – которая в принципе не зависит от того, сколько человек его дали. Именно по линии "надежности" друг другу противопоставлены первая и вторая части этого предложения: 'обещали разные люди (следовательно, обещание должно быть исполнено)' VS 'ничего не вышло'. Показательно, что без второй части и без идущей от нее подсказки, как правильно (в *собирательном*, а не

разделительном смысле) понимать первую, приведенная фраза уже сомнительна: [?]*Разные люди обещали мне помочь.*

Подобным образом обстоит в конструкциях типа *Разные люди абонировали эту ложу; Разные специалисты аттестовали Ивана как прекрасного ученого (рекомендовали Ивана на работу в нашем институте)*. Здесь *разные люди* и *разные специалисты* значит, грубо говоря, 'представительное множество людей/специалистов', и стало быть, значение именной группы – собирательное.

В другом случае, там, где собирательная интерпретация маловероятна, предложение с *разные* недопустимо: ^{??}*Разные начальники велели убрать этот мусор;* ^{??}*Начальник велел подчиненным сделать разные покупки;*⁶ ^{??}*Разные суды миловали этого преступника;* ^{??}*Суд миловал разных преступников;* ^{??}*Разные люди молвили, что...;* ^{??}*Иван молвил разные слова;* ^{??}*Король даровал мне разные вещи;* ^{??}*Разные люди даровали мне свободу;* ^{??}*После распада империи разные колонии декларировали уже свою независимость.*

Таким образом, в нормальном случае у обсуждаемых глаголов все актаны референциально определены и единичны (собирательная множественность – особый случай единичности). Учитывая, что для всех этих глаголов важно и конкретное содержание сказанного, а также то, что люди не склонны в одних и тех же обстоятельствах по многу раз повторять один и тот же речевой акт, можно думать, что двувидовые глаголы группы (1) обозначают такую ситуацию, которая *плохо повторима*.

Конечно, итеративность здесь полностью не исключена: например, король может дважды миловать одного и того же преступника, кто-то может десять раз что-то обещать, декларировать, анонсировать и т.п. – но эти ситуации отчетливо маркированы по сравнению с многократным повторением таких более "обычных" действий, как, допустим, варка супа, стирка рубашки, приход на работу и т.п.

Как видим, релевантность аспектуальной Оппозиции 1 "действие единично (СВ) – действие многократно (НСВ)" для этих глаголов существенно снижена и в данном отношении они тоже обнаруживают явный крен в сторону "совершенности".

⁶ Лучше: *Начальник велел нам сделать разные покупки*, – но потому, что здесь эти *разные покупки* для говорящего могут быть совершенно конкретной совокупностью, выступать как единое целое – разделительно-множественными оставаясь только для адресата.

1.3.3. Отсюда же следует, что намного менее релевантна, чем в обычном случае (так сказать, в пользу "совершенности"), и Оппозиция 2 "перфект (СВ) – имперфект (НСВ)".

Как мы уже говорили, рассматриваемые глаголы всегда результативны. Результативный имперфектный (иначе – общефактический) НСВ уместен только при условии, что данное действие по природе *повторимо*. Отсюда, к примеру, аномалия в предложениях:

- (5) *Иван умирал (в смысле – умер).
 (6) ^{??}Войну и мир" писал Толстой.
 (7) *Ботвинник выигрывал матч-реванш у Таля (известно, что Ботвинник *выиграл* этот матч и что такой матч состоялся только *единожды*). Отсюда же – контраст между на первый взгляд совершенно однотипными примерами:
 (8) а. Вчера у меня разбивалась чашка;
 б. [?]Вчера у меня разбивалось окно;
 в. ^{??}Вчера у меня разбивалась машина.

Для наивного носителя языка чашки разбиваются чаще, чем окна, а окна – чаще, чем машины; поэтому каждая следующая фраза тут ощутимо хуже предыдущей.⁷

Таким образом, если соответствующая ситуация слабо повторима, то должно оказаться затрудненным и *имперфектное* употребление соответствующих глаголов.

Впрочем, мы не склонны это затруднение замечать, поскольку, как хорошо известно, у глаголов речи и вообще различие между перфектным СВ и имперфектным НСВ сильно затушевано. Результат речевых действий по сравнению с результатом типичных действий неречевых достаточно эфемерен – и потому парадоксальным образом в своей языковой концептуализации оказывается и более долговечным, даже тогда, когда действие названо глаголом НСВ. Ср., с одной стороны, описание "обычных" действий (9-10), где контекст исключает имперфектное прочтение в смысле 'результат сейчас не важен и/или действие совершилось давно' и где несовершенный вид безусловно хуже совершенного, а с другой стороны – описание речевых актов в (11-12), где результат тоже заведомо важен, однако несовершенный вид совершенному вовсе не проигрывает:

- (9) Готовить ничего не нужно, потому что Маша ⁺сварила / ⁻варила суп.
 (10) Деньги есть, потому что я ⁺получил / ⁻получал зарплату.
 (11) Я расстроен потому, что меня ⁺выругал / ⁻ругал начальник.
 (12) Я все знаю: Иван мне об этом ⁺сказал / ⁺говорил.

⁷ Подробное обсуждение этих примеров см. в Зельдович 2002, 103; 115 след.

(Знаки "+" и "-" в первых двух примерах указывают, соответственно, на предпочтительный и менее желательный вариант, два "плюса" в (11-12) – на приблизительно равную приемлемость двух вариантов).

Замечание. По-видимому, долговечность результата – как она понимается языком – сильно зависит от того, насколько нагляден, насколько непосредственно дан нам в восприятии *контраст* между ситуацией "данный результат есть" и ситуацией "результата нет"; очевидно, что для *verba dicendi* этот контраст сильно смазан. Поскольку, как мы стремились показать в [Зельдович 2002], имперфектный НСВ по смыслу произведен от СВ, вторичен, а перфектный СВ со значением "результат есть", СВ – это немаркированная, "изначальная" опция. Именно поэтому если контраст между наличием и отсутствием результата затушевывается, то в пользу *наличия*.

1.3.4. Легко видеть, что для разбираемых глаголов нерелевантна также Оппозиция 4 "не-дуратив (СВ) – дуратив (НСВ)". Все глаголы речи, если в их значении содержится компонент 'говорить/сказать, что...', моментальны и никогда не допускают дуративной интерпретации, то есть не употребляются в несовершенном виде ради того, чтобы просигнализировать об одновременности соответствующего действия с какой-либо иной ситуацией.

Так, если предполагать однократность действия (в ином случае НСВ был бы нужен по иным причинам – просто потому, что действие итеративно), то неправильны конструкции: ^{??}Когда Иван советовал Петру пойти к врачу, Петр только улыбался; ^{??}Когда Иван говорил, что уйдет, Мария безразлично смотрела в окно.

По аналогии можно заключить, что и для двувидовых *verba dicendi* актуальная Оппозиция 4 нерелевантна – и что в данном отношении все эти глаголы ведут себя как глаголы *совершенного вида*.

1.3.5. По тем же причинам невозможен для глаголов речи актуально-длительный НСВ, ср.: *Когда я вошел в комнату, Иван советовал Петру пойти к врачу; *Когда я взглянул на Ивана, он говорил Марии, что уйдет, – так что и по отношению к Оппозиции 5 "действие представлено как одно событийное целое (СВ) – действие представлено в его протекании (НСВ)" двувидовой *verbum dicendi* – на самом деле тоже просто глагол *совершенного вида*.

1.3.6. Таким образом, у двувидовых глаголов группы (1) обнаруживается явный крен в сторону "совершенности", а "несовершенные" прочтения

требуются как правило только в особых случаях, где отсутствие морфологических показателей несовершенного вида возмещается недвусмысленно подсказывающим имперфективностью контекстом.

Учитывая, что, во-первых, среди двувидовых глаголов глаголы речи образуют единственную заметную семантически однородную группу и, следовательно, уже на этом основании должны считаться прототипом двувидового глагола, а во-вторых, что все видовые оппозиции у этих глаголов вырождены, можно заключить, что феномен двувидовости действительно связан с нейтрализацией видовых оппозиций – хотя конкретные механизмы этой нейтрализации отнюдь не те, о которых писала Л.Кнорина.

2. Непрототипические двувидовые глаголы: "референциальный инвариант"

2.1. Обратимся теперь к двувидовым глаголам групп (3) и (4).⁸

Это уже не глаголы речевого действия. Правда, локутивная составляющая имеется в значении *женить*, *казнить* и в некоторых других случаях, но ее роль здесь как правило достаточно мала (хотя иногда она и выдвигается на первый план; ср. ниже примеры (31)).

Очевидно, к стандартным аспектуальным оппозициям глаголы групп (3) и (4) относятся совсем не так, как рассмотренные выше *verba dicendi*. В ряде случаев эти глаголы могут обозначать и незаконченное действие, и действие, которое синхронно с чем-то другим, и действие в его протекании, то есть для них вполне актуальны оппозиции 3-5. Например, можно *исследовать какой-то вопрос*, *оборудовать мастерскую*, *организовать концерт*, *реставрировать картину* – но не довести дело до успеха. Можно (не предполагая многократности) сказать: *Когда исследовали этот вопрос, возникало немало сложностей; Когда оборудовали мастерскую, приходилось много раз пересматривать проект* и т.п.; *В настоящий момент мы исследуем вопрос о... (оборудуем мастерскую, организуем концерт, реставрируем картину)*.

Даже если для многих глаголов из (3-4) подобное недопустимо: ср. моментальные *заимствовать*, *наследовать*, *симулировать* и мн. др., – то все равно с точки зрения аспектуальных противопоставлений 3-5 эта группа никак не похожа на достаточно однородную группу (1).

Более того, у таких глаголов относительно легко реализуются и первые две оппозиции. Например, многократно *воздействовать*, *опробовать*,

⁸ Все сказанное ниже *mutatis mutandis* относится и к группе глаголов (2) – глаголам "ритуализированного" речевого действия *венчать*, *исповедовать*, *крестить*, *освидетельствовать*, *приветствовать*. Заниматься ими специально здесь нет особого смысла.

бежать из тюрьмы, что-то использовать, жениться, атаковать, реставрировать, модернизировать и т.д. – куда проще, чем многократно *велеть, обещать, даровать* (ту же вещь) и проч. Далее, можно сказать (в общефактическом смысле): *Мы уже воздействовали на раствор целиком* (видимо, придется воздействовать еще); *В лаборатории уже опробовали новые приборы* (но пока не составили окончательного мнения об их качестве); *Противника уже атаковали* (но, видимо, придется атаковать снова), – но малоприемлемо что-то вроде ^{??}*уже обещал*, ^{??}*уже велел*, ^{??}*уже даровал* и т.п. Последние конструкции допустимы только при условии, что субъект заведомо *должен был* пообещать, велеть, даровать – и оказалось, что он уже это сделал, – стало быть при условии, что ситуация мыслится как *однократная*.

Таким образом, либо глаголы (3-4) оказываются двувидовыми по своей *особой* причине, не имеющей никакого отношения к факторам, обуславливающим двувидовость *verba dicendi* в группе (1), либо между обсуждаемыми глаголами и двувидовыми глаголами речи все-таки имеется сходство, только лежит оно несколько глубже.

По-видимому, можно найти факты, говорящие в пользу второго решения.

2.2. Как мы помним, двувидовые глаголы речи (1) требуют, чтобы все участники ситуации были определены и единичны: например, сказать *Кто-то мне обещал помочь*; *Я кому-то обещал помочь* можно только при дополнительном предположении, что этот *кто-то* на самом деле для говорящего вполне определен (см. выше, п. 1.3.2), и практически нельзя сказать: ^{??}*Король кого-то миловал (кому-то даровал привилегии)*; именная группа с определением *разные* как правило не может быть актантом таких глаголов (см. там же).

Ту же идиосинкразию обнаруживают и почти все глаголы из групп (3) и (4). Так, фраза *Русский язык заимствовал из японского какое-то слово хороша* только в ситуации, когда адресату предлагается угадать, какое это слово, а говорящий прекрасно его знает, либо в ситуации, когда говорящий не знает сам, но предполагает, что это знает адресат (*Я читал, что русский язык заимствовал из японского какое-то слово. Может быть, ты знаешь, какое*), либо говорящий так или иначе *намерен это выяснить*. Как бы то ни было, присутствующая здесь неопределенность актанта воспринимается как обстоятельство временное и дискомфортное – чего никак не скажешь об "обычных" примерах типа *Кто-то открыл окно* (см. ниже). То же самое верно для конструкций (13-26):

(13) ^{??}*Кто-то дурно воздействовал (лучше – повлиял) на Ивана.*

- (14) ??Петр на кого-то дурно воздействовал (*повлиял* не безусловно, но намного удачнее).
- (15) ??Какой-то язык заимствовал (лучше – *позаимствовал*) из русского это слово.
- (16) ??По дороге мы миновали какую-то крепость (=> прошли/проходили мимо какой-то крепости).
- (17) ??Кто-то в семье наследовал (=> унаследовал) дедову усадьбу.
- (18) ??Что-то от деда Иван наследовал (=> унаследовал).
- (19) ??Кто-то казнил преступника (=> убил).
- (20) ??Кто-то (какой-то суд) миловал Ивана (лучше, хотя не безусловно, – *помиловал*).
- (21) ??Кто-то бежал из этой тюрьмы (=> сбежал/сбегал).
- (22) ??Кто-то электрифицировал поселок (=> провел в поселок свет).
- (23) ??Кто-то атаковал отряд с фланга (=> напал на отряд с фланга).
- (24) ??Кто-то инвестировал (=> вложил) в проект уйму денег.
- (25) ??Чтобы выдержать конкуренцию, заводу необходимо модернизировать (=> заменить) хоть какое-то оборудование.
- (26) ??Чтобы привлечь туристов, городу нужно реставрировать (=> отреставрировать) какие-то из соборов.

Плохи и предложения с дистрибутивной множественностью актантов; ср.:
 ??Разные люди дурно воздействовали на Ивана; ??Разные люди напутствовали Ивана добрым советом; ??Разные языки заимствовали из русского это слово.⁹

Другое проявление обсуждаемого запрета состоит в том, что если потенциально двувидовой глагол успешно употребляется с полностью неопределенным актантом, то этот глагол *теряет* свою двувидовость и становится либо перфективным, либо имперфективным. Так, если фразу *Кто-то информировал начальника о наших планах* признать корректной, то без оговорок допустимым ее прочтением окажется либо многократное, либо общефактическое – то есть такое, при котором конкуренции видов нет и глагол *информировать* заведомо имперфективный. Аналогично обстоит для *обещать* в *Кто-то обещал мне помочь, но это были пустые слова*, для *миловать* в *Кто-то миловал этих преступников (а так по ним петля плачет)* и для ряда других двувидовых глаголов.¹⁰

⁹ Обсуждая двувидовые глаголы речи, мы говорили (в п. 1.3.2), что этот запрет обычно не противопоставляет их другим *verba dicendi*. Для нелокутивных двувидовых глаголов он оказывается менее тривиальным: семантически близкий к двувидовому глагол с маркированным видом разделительную множественность часто допускает. Фразы *Разные люди повлияли на Ивана* и *Разные языки позаимствовали из русского это слово* далеко не безукоризненны, но ощутимо лучше, чем соответствующие предложения с двувидовыми глаголами *воздействовать* и *заимствовать*.

¹⁰ Все приведенные глаголы относятся к *verba dicendi*; что касается нелокутивных глаголов, то они (при обсуждаемых условиях, когда актант неопределен – а не вообще! Ср. выше, п. 2.2) многократную и общефактическую интерпретацию допус-

С более изысканным примером этого же явления – глаголом *ранить* – мы встретимся позже, в п. 2.6.3. Забегая вперед, скажем, что этот глагол имеет несколько значений и оказывается двувидовым *только* в тех, где неопределенный актант *недопустим*, т.е., иначе говоря, как только для него становится возможным актант типа *кто-то/что-то*, этот глагол *теряет свою двувидовость*.

Здесь необходимы еще три важных замечания.

Замечание 1. По сути, об этом явлении – хотя и занимаясь по преимуществу глаголами речи – писала еще Л.Кнорина: такие действия "рассматриваются прежде всего в связи с этой переменной, представляемой совершенно конкретно, и осознаются только через неё. Это и создает обусловленность длительности действия, чёткую ограниченность его моментом перехода в новое состояние.

Так, глагол *амнистировать* не имеет никакой специфики действия, кроме того, что оно приводит к новому заранее известному состоянию объекта. Действительно, невозможно даже объяснить, что означает этот глагол, не описав состояния объекта, к которому приводит осуществление действия. **Конкретность, единственность** нового состояния и позволяет выделить момент, ограничивающий длительность действия – тот момент, до которого объект не был амнистирован и после которого он амнистирован" (Кнорина 1976, 70-71) (жирный шрифт наш – Г.З.).

Существенно однако, что дело не ограничивается особенно близкой связью действия с его объектом: как видно из приведенных примеров, субъект тоже ни неопределенным, ни дистрибутивно множественным быть не может.¹¹

Замечание 2. Там, где какая-то валентность двувидового глагола вообще формально не заполнена – как, например, в неопределенно-личных конструкциях типа *Его казнили*, *Ему обещали в этом деле помочь* и в абсолютных наподобие *Этот царь казнил и казнил*, – никакой аномалии не возникает. Противоречит ли это нашему тезису? Думаем, что нет, ибо говорить о *неопределенности* соответствующего актанта едва ли корректно. То, кем или над кем/чем совершено действие, здесь говорящему попросту *безразлично*: соответствующий участник может быть *равным образом* и неизвестен говорящему, и ему известен; ср. хотя бы: *Иван вошел*

кают хуже. По-видимому, итеративность допустима во фразе (16) *По дороге мы миновали какую-то крепость*. Предложение (21) может быть интерпретировано общефактически: *Кто-то (когда-то, по крайней мере один раз) бежал из этой тюрьмы*.

¹¹ Хотя запрет на разделительную множественность актантов очень важен, мы решили несколько облегчить изложение и ниже сосредоточимся на первой идиосинкразии наших глаголов – требовании об *определенности* актантов.

в ресторан, но его тут же выгнали (говорящему скорее неизвестно, кто); Я вошел в ресторан, но меня тут же выгнали (скорее известно, кто). Для конструкций, где актантное место заполняется местоимениями *кто-то* или *что-то*, определенность участника, как мы видели, – случай маргинальный: она уместна только при очень специфических дополнительных предположениях.

По всей вероятности, тут работают прагматические механизмы: если говорящий взял на себя труд сказать "кто-то" или "что-то", имея в распоряжении более "экономную" конструкцию с поверхностно нулевым актантом, то соответствующий актант для него *важен*, так или иначе привлекает внимание. Если же называется он логически самым слабым словом, то, значит, говорящий скорее всего и *не в состоянии* дать более конкретную дескрипцию. (Об исключениях см. выше: могут быть *особые* обстоятельства, при которых употребление *кто-то/что-то* объясняется не неспособностью, а *нежеланием* говорить предметнее; ср. [Matsumoto 1995]).

Замечание 3. Здесь нужно сразу отвести одно вероятное сомнение (оно высказано В.А.Плунгяном, которого автор благодарит): не есть ли так, что двувидовые глаголы – это всегда глаголы *интерпретирующие* (иначе – абстрактные (см. Плунгян, Рахилина 1990, 204), то есть сообщающие, с чего действие началось и чем закончилось, но не уточняющие его конкретное содержание (например, в *X отомстил Y-у* неясно, что именно X сделал) – и не является ли идиосинক্রазия к полностью неопределенным актантам просто общей чертой интерпретативных глаголов?¹² Если это верно, то названную идиосинক্রазию уже нельзя рассматривать как квинтэссенцию двувидовости – ибо она равным образом присуща и недвувидовым интерпретативным глаголам типа *мстить* (странно: *?Кто-то отомстил за Ивана*; совсем плохо: **Иван за кого-то отомстил*).

Мы думаем, что это не так.

Во-первых, у некоторых интерпретативных глаголов этой идиосинক্রазии нет или она затрагивает лишь некоторые – а не *все*, как у двувидовых, – актантные позиции. Например, приводимый (в Плунгян, Рахилина 1990, 204) глагол *портить* сочетается с неопределенным субъектом; ср. *Я ухожу обедать, а в это время кто-то портит мои чертежи*.

Во-вторых, среди двувидовых глаголов есть такие, которые *prima facie* очень трудно признать интерпретативными. Например, не видно, чем речевой акт, соответствующий глаголам *обещать* и *велеть*, принципиально отличается от акта, соответствующего словам *посоветовать*, *прика-*

¹² Эта мысль, конечно, перекликается с цитированными в Замечании 1 соображениями Л. Кнориной.

зать и т.п. Ни один из этих глаголов не кажется интерпретативным. Не видно также, почему интерпретативны глаголы *бежать* (из тюрьмы и т.п.), *женить*, *жениться*, *заимствовать*, *казнить*, *каменовать*, *миновать*, *наследовать*, *образовать*, *атаковать* и многие другие.

Наконец, для обсуждаемой точки зрения крайне неприятны все те многочисленные примеры типа (13-26), где актант *кто-то/что-то* неуместен при двувидовом глаголе и вполне допустим при предельно близком недвувидовом. В таком случае есть два выхода: либо принять, что в парах типа *подарить* – *даровать*, *одобрить* – *авторизовать* и т.п. интерпретативен только второй глагол, либо отказаться от мысли, что обсуждаемая идиосинкразия двувидовых глаголов связана с их интерпретативностью.

Разумеется, убедительнее второе решение. Кто-то может утверждать, что действие *авторизовать* – более абстрактное, чем *одобрить*, *даровать* – более абстрактное, чем *подарить*, *анонсировать* – более абстрактное, чем *объявить*, и т.д., однако есть случаи, применительно к которым такая мысль абсурдна. Для пар *воздействовать* – *повлиять*, *наследовать* – *унаследовать*, *миловать* – *помиловать*, *женить(ся)* – *поженить(ся)*, *бежать* (из тюрьмы) – *сбежать*, *атаковать* – *напасть*, *миновать* – *пройти мимо* совершенно неясно, в каком смысле первый глагол абстрактнее второго.

Уже этих примеров достаточно, чтобы усматривать специфику двувидовых глаголов не в их интерпретативности, а все-таки в самой идиосинкразии к полностью неопределенным актантам. Очевидно, эту идиосинкразию разделяют многие интерпретативные глаголы, но для них она скорее вторична и является следствием из их абстрактного характера, а для двувидовых – конститутивна.

2.3. Описанное выше свойство – требовать от актантов определенности – резко противопоставляет двувидовые глаголы похожим по семантике "одновидовым".

Подавляющее большинство глаголов (3-4) – агентивные, в том смысле, что их субъект – живое существо, действующее по собственной воле.¹³ У внушительного числа таких глаголов есть и еще один прототипический признак агентивности: совершая соответствующее действие, субъект *вызывает изменения* в другом участнике ситуации – обычно прямом объекте (см. Dowty 1991; изменение понимается широко, в том числе как создание или уничтожение объекта): ср. *воздействовать*, *заимствовать*,

¹³ Если глагол допускает и агентивное, и неагентивное употребление (как, например, *стимулировать*), то его обычно все равно относят к агентивным, поскольку в прототипической транзитивной ситуации субъект – живое и действующее по своей воле существо; см., среди прочей огромной литературы, (Croft 1991, 1994; Dowty 1991; Slobin 1982).

наследовать, стяжать, образовать, использовать, казнить, интенсифицировать, электрифицировать, атаковать, организовать и мн. др.¹⁴

Прототипические агентивные глаголы ведут себя совсем иначе. Их семантику можно схематически представить в виде:

- (27) а. Что-то произошло с субъектом (субъект что-то (с)делал);
 б. Что-то произошло с объектом;
 в. Первое (а) является причиной второго (б).

То, что произошло с субъектом, и то, что произошло с объектом, допустимо мыслить как две самостоятельные ситуации. Скажем, для *Маша сварила суп* это ситуация наподобие 'Маша нарезала овощи, залила их водой, поставила суп на огонь...' и ситуация 'суп начал существовать'; для *Иван открыл окно* – ситуация наподобие 'Иван повернул ручку, потянул на себя...' и ситуация 'окно начало быть открытым'.

Следствием этой относительной автономности субъекта и объекта¹⁵ у прототипического агентивного глагола является возможность – хоть и далеко не всегда, но в большом числе случаев – представить один из этих актантов как *кто-то* или *что-то*, либо множественной именной группой с разделительным значением: *Кто-то сварил суп; Маша что-то сварила; Кто-то открыл окно; Французский суп разные хозяйки варят по-разному; Это окно (в разное время) открывали многие люди, так что непонятно, кто же испортил замок.*

Если двувидовой глагол требует от своих актантов определенности и если такое требование противопоставляет двувидовые глаголы огромной массе других глаголов, то логично думать, что *эта референциальная идиосинкрязия и ответственна за двувидовость.*

Действительно, связь предельно прозрачна: если актанты референциально фиксированны, то резко снижается вероятность повторения данной ситуации (ср., кстати, крайне затрудненную сочетаемость наших глаголов с наречиями *часто, редко, регулярно* и т.п.).

Между тем противопоставление видов по линии "однократность – итеративность" – это *самое тривиальное и одновременно ключевое противопоставление в русской аспектуальной системе* (см. Зельдович 2002).

Во-первых, даже моментальные глаголы, которые не имеют ни актуально-длительного, ни дуративного значения и не могут обозначать незавершенное действие, все равно вступают в оппозицию "одно- VS многократность" (и – обычно – в оппозицию "перфект – имперфект", о которой

¹⁴ Для большей части глаголов изменение в объекте обязательно, для некоторых не обязательно, но типично (ср. *использовать*).

¹⁵ Подробнее на тему такой автономности см. Ackerman, Moore 2001.

см. ниже). В ином случае было бы вообще непонятно, на каком основании, скажем, глаголы *терять* и *потерять* или *падать* и *упасть* считаются видовыми парами.¹⁶

Во-вторых, во *всех* употреблениях совершенного вида можно найти элемент единичности, а использование несовершенного как правило так или иначе связано с идеей многократности. За подробностями мы отсылаем к книге (Зельдович 2002), а здесь позволим себе только несколько замечаний.

О глаголах совершенного вида в соотносительно-кратных конструкциях (типа *Захотел – пришел на работу; (Он же как всегда?) Послушал меня, сел и забыл; (Теперь я знаю каждое ее слово.) Она сама вечером прибежит и все расскажет (Л.Толстой)*) часто говорят, что они обозначают *повторяющееся* действие. Это верно, но только с важной оговоркой: в каждой "серии" действий эти действия по отношению друг к другу *все равно единичны*.

Та же единичность действия есть и в конструкциях типа *Иван вообще-то трезвенник, но иногда и выпьет; Иван редко чем-нибудь поможет*. Многократное действие здесь представлено так, как если бы каждый его акт был для говорящего индивидуализирован какими-то не называемыми прямо *особыми подробностями*, и отсюда – импликатура 'это действие совершается относительно редко'.

Если совершенным видом обозначается *потенциальное* действие, то соответствующая ситуация берется, так сказать, *in abstracto*, вне соотнесенности с каким-либо реальным эпизодом – и простейшие резоны умственной экономии заставляют мыслить ее как единичную.

Что касается несовершенного вида, то в актуально-длительном употреблении он предполагает, что момент речи или иной момент референции принадлежит к *целому ряду* моментов, в каждый из которых имеет место данная ситуация (Падучева 1996, 18) Иными словами, здесь также присутствует многократность – только не благодаря многократному повторению ситуации как целого, а потому, что единое целое мысленно дробится на более мелкие гомогенные составляющие.

¹⁶ Аргумент, что глагол НСВ в настоящем историческом мог бы обозначать ту же ситуацию, что СВ в прошедшем времени (один из тестов Ю.С. Маслова на парность), – такой аргумент по отношению к моментальным глаголам *несостоятелен*.

Описанный тест исходит из того, что два глагола по значению заведомо различны, что *где-то* они друг другу семантически противопоставлены, но *доказательством* их различия он быть не в состоянии. Иными словами, при положительном результате может быть так, что исследовались на самом деле не два разных глагола, а две дублетные формы. Ср. хотя бы *imperfectiva tantum* **идти**: фразы *Иду я вчера по улице – и вдруг падаю* и *Шел я вчера по улице – и вдруг упал* обозначают одно и то же, но отсюда не следует, что *иду* и *шел* – видовая пара.

При иных употреблениях НСВ, где уже нет такой внутренней расчлененности ситуаций, ситуация как целое либо должна *повторяться*, либо *быть повторимой*.

Первый вариант мы встречаем в итеративном НСВ (это – тривиально) и в НСВ потенциальном. Последний, в отличие от потенциального совершенного вида, подразумевает уже не "чистую" потенцию, но потенцию, которая многократно реализована; ср. *Разрушить* (^{??}*разрушать*) *Китайскую стену трудно, и едва ли найдется безумец, который попытается это (с)делать*; *Сварить* ([?]*варить*) *французский суп легко, но никто из нас этого никогда не делал*.¹⁷

При имперфектном (общефактическом) результативном употреблении НСВ требуется, чтобы ситуация была *в принципе повторимой*; ср. уже знакомые нам примеры (5-7), которые аномальны из-за того, что в них нарушается это условие:

(5) *Иван умирал (в смысле – умер).

(6) ?? "Войну и мир" писал Толстой.

(7) *Ботвинник выигрывал матч-реванш у Таля (известно, что Ботвинник *выиграл* этот матч и что такой матч состоялся только *единожды*).

Там, где действие остается *неоконченным*, его заведомо можно повторить. Поэтому, к примеру, фразы (5) и (7) были бы вполне нормальны, если предполагать, соответственно, что Иван был при смерти, но не умер и что Ботвинник имел перевес над Талем (то есть *выигрывал* в тендентивном значении слова), но не выиграл: тот, кто находится при смерти, может поправиться, а позже опять оказаться в этом состоянии; тот, кто добился преимущества, может его потерять и добиться снова.

Что касается *дуративного* парного НСВ, то он возможен только там, где действие строится по модели "процесс + переход в новое состояние", причем даже и тогда, когда реально действие доведено до конца, на переход к новому состоянию говорящий в определенном смысле "закрывает глаза", и значит, действие оказывается *всегда повторимым*. Почему так происходит, мы объяснили (Зельдович 2002, 160-162).

Конечно, надо отдавать себе отчет, что отношение разных типов НСВ к многократности отнюдь не одинаково: есть употребления НСВ, которые с многократностью связаны напрямую (актуально-длительное, итеративное, потенциальное, имперфектное результативное), и есть такие, которые

¹⁷ Лучше: *Говорят, что варить французский суп легко, но никто из нас этого никогда не делал*, – но лучше как раз потому, что кто-то из говоривших об этом скорее всего *варил*.

просто ей *не противоречат* (НСВ незаконченного действия, дуратив; сюда же относится НСВ "приступа к действию", о котором мы будем говорить ниже, в п. 2.5.3).

Тем не менее, если учесть, что (а) совершенный вид всегда обозначает *единичное* действие; (б) во многих случаях НСВ необходимым образом связан с многократностью, а в остальных он *допускает* повторимость действия; (в) при этом ни одно другое аспектуальное противопоставление не ведет себя столь экспансивно, то есть не оказывается возможным для всех или практически всех видовых пар – учтя все это, мы вновь убедимся, что оппозиция "одно- VS многократность" должна быть признана *центральной видовой оппозицией*.

2.4. Наши рассуждения приводят к двум основным тезисам:

Во-первых, глагол оказывается двувидовым, если у него (по крайней мере отчасти) нейтрализовано главное видовое противопоставление – между единичностью и многократностью.

Во-вторых, эта нейтрализация вызывается обязательной референциальной определенностью участников ситуации – поскольку при референциально закрепленных участниках намного ниже вероятность, что ситуация может повториться.

Мы думаем, что оба эти тезиса подтверждаются и множеством независимых фактов. Ниже, в пп. 2.5.1-2.5.3, мы проиллюстрируем объяснительную силу первого, а в пп. 2.6.1-2.6.5 дадим дополнительное обоснование второго.

2.5.1. С точки зрения тезиса, что двувидовость связана с нейтрализацией противопоставления "однократность – итеративность", удастся хорошо объяснить причудливое поведение глаголов *обещать*, *молвить* и *женить*. Рассмотрим сначала *обещать* и *молвить*.

В одних случаях они полноценно двувидовые, а в других используются только как несовершенный вид, в совершенном же выступают приставочные корреляты *пообещать* и *про(вы)молвить*.

Начнем с того, что, как хорошо известно и нами уже упоминалось, речевое действие имеет физический аспект (произнесение соответствующих слов) и аспект, так сказать, ментальный: говорящий так или иначе воздействует на ментальное состояние адресата (ср. *совет*, *приказ* и т.п.) и/или берет на себя определенные обязательства. Например, если *X* сказал, что *P*, то *X* тем самым в определенном смысле обязуется поступать так, как человек, *знающий, что P*, сообразно с *P* – и уж во всяком случае *не так*, как если бы было верно *не-P* (тут, конечно, нужна масса оговорок и уточнений, за которыми отправляем читателя к недавним работам А.

Богуславского (например Bogusławski 2004). Если X дал *обещание*, что сделает P, то окружающие вправе ждать, что X сделает или попытается сделать P.

Очевидно, что у разных глаголов речи и даже у одного глагола в разных контекстах относительный "вес" физического и ментального компонентов может быть разным: ср. хотя бы проанализированную А.Богуславским пару *сказать...* (с последующей прямой цитацией сказанного) и *сказать, что...*, где во втором случае намного важнее интерпретативный компонент (настолько важнее, что А.Богуславский считает *сказать...* и *сказать, что...* двумя разными лексемами).¹⁸

Вернемся к парам *обещать – пообещать* и *молвить – промолвить*. Если первый глагол в каждой паре в принципе может выступать и как НСВ, и как СВ, а в то же время есть глагол с формально выраженным (совершенным) видом, то по очевидным причинам прагматического свойства между ними должен усматриваться сильный контраст – более сильный, чем между несовершенным и совершенным употреблением *одного и того же* глагола.

Поскольку самая универсальная и, следовательно, прагматически самая "доступная" видовая оппозиция – это противопоставление по линии "одно – многократность", то использование приставочного глагола *пообещать, про(вы)молвить* должно имплицировать, что соответствующий бесприставочный глагол воспринимается говорящим скорее как глагол несовершенного вида, то есть глагол, чье главное предназначение состоит в обозначении *многократных* действий.

Разумеется, многократность речевого акта легче представима, если он берется в своей *физической* ипостаси: представить себе многократное *произнесение* каких-то слов намного проще, нежели вообразить многократную – и при этом однотипную! – перемену в ментальных состояниях говорящего и/или адресата. Кажется, этот вывод хорошо согласуется с фактами.

Факт 1. Если употребляется приставочный глагол СВ, то становится нежелательной оценочная характеристика речевого акта:

(28) Иван⁺ молвил / промолвил (вымолвил) горькие слова.

(29) За молчание Иван⁺ обещал / пообещал Петру золотые горы.

Ср. безупречное: *За молчание Иван пообещал Петру 1000 долларов*. Дело в (29) именно в том, что выражение *обещать золотые горы* значит, что обещание незаурядно щедрое и скорее всего пустое, – то есть дает соответствующему речевому акту *оценку*.

¹⁸ Об очень интересных и повторяющихся во множестве языков особенностях "цитатного" *сказать*, которые свидетельствуют, что каждый такой акт речи интерпретируется языком как уникальное, единственное в своем роде действие, см. (Munro 1982).

Факт 2. С другой стороны, если говорение явно представляется в физическом аспекте, если используется не косвенная речь, а прямое цитирование, то предпочтительны формы *пообещать* и *про(вы)молвить*: *Иван пообещал (промолвил, вымолвил; ²обещал; ²молвил): "Никогда больше это не повторится"*.

Факт 3. С этой точки зрения объясним и пример из Зализняк, Шмелев 1997, 74:

(30) Он оделся, *обещал (=> пообещал) матери, что скоро вернется, и вышел на улицу.

Если глагол речи сочиняется с глаголом физического действия *оделся*, то и соответствующий речевой акт тоже скорее всего рассматривается с его "физической" стороны, то есть именно так, как представляет его глагол совершенного вида *пообещать*.

Факт 4. Будучи, так сказать, "более физическими", а не ментальными, действия *пообещать* и *промолвить* легче, чем *обещать* и *молвить*, локализируются во времени, ср. *Во время нашей беседы Иван ⁰обещал / ⁺пообещал мне помощь; ...и, услышав это, он ⁰молвил / ⁺промолвил...*

Факт 5. Использование СВ *пообещать* неизбежно намекает, что соответствующее *обещать* – уже скорее не двувидовой глагол, а имперфективный, а следовательно – намекает на *повторимость* обещания и тем самым на то, что оно *не будет исполнено* – ибо только при этом условии оно нормально может стать повторимым. Поэтому, *напоминая* кому-то о данном обещании и о необходимости его выполнить, то есть не будучи склонны воспринимать данное обещание как заведомо пустое (по крайней мере – не будучи склонны обнаруживать такое восприятие в своей речи), мы скорее скажем *Ты же обещал*, а не *²Ты же пообещал*. Точно так же форма *обещал* уместнее там, где из контекста видно, что обещание будет выполнено, ср.: *Я должен уходить: я обещал (²пообещал), что буду дома к восьми.* (В другом контексте, типа *Я домой уходить не буду – хотя обещал (пообещал) вернуться к восьми*, формы *обещал* и *пообещал* более или менее равноправны).

2.5.2. В том же ключе объяснимо и соотношение между двувидовым глаголом *женить* и его перфективным соответствием *поженить*. Рассмотрим похожие и в то же время резко контрастные примеры:

- (31)а. Священник поженил / ²женил Ивана и Марию (здесь и ниже предполагается законченное действие);
 б. Царь своей волей женил / ²поженил Ивана и Марию.

Почему в первом случае нужно *поженил*, а во втором – *женил*?

Видимо, потому, что в (а) священник произносил какие-то *ритуализированные*, наперед известные формулы (вроде "Объявляю вас мужем и женой"), и, следовательно, здесь вероятнее, что внимание обращено в первую очередь к физической, формальной стороне речевого акта. В примере же (б) исключительно важно само *содержание* того, что сказал (приказал) царь, – ибо никакой "обрядовости" тут уже нет.¹⁹

Таким образом, предложения (а) и (б) различаются тем, что в первом речевой акт представляется (или по крайней мере – легче может представляться) прежде всего как физическое действие, а во втором – как ментальное.

Поскольку в своей физической ипостаси речевое действие легче повторимо, то в предложении (а) не происходит нейтрализация главной видовой оппозиции "одно- VS многократность" и здесь *сильнее потребность в формальном различении видов*. Поскольку же речь идет о совершившемся действии, чей результат скорее всего налицо в момент речи, то нужен СВ *поженить*. Форма *женить* однозначно прочитывалась бы как НСВ; например, предложение *Ивана и Марию женил протодьякон Евтихий* уместно, если только предполагать, что на первом плане – *кто именно женил*, а сохранился ли к моменту речи результат 'Иван и Мария женаты', не слишком существенно – то есть предполагать имперфектную (общефактическую) интерпретацию глагола.

2.5.3. Интересно и показательно употребление двувидовых глаголов в будущем времени, которому мы пока не уделили должного внимания. Существенны два факта.

С одной стороны, как показано в Апресян 2002, 12), "...в большинстве случаев свою грамматическую неоднозначность они (двувидовые глаголы – Г.М.) ясно обнаруживают только в формах не прошедшего времени".

С другой стороны, если у двувидового глагола *есть приставочный коррелят*, то глагол без приставки оказывается двувидовым (во всяком случае – *чаще* оказывается двувидовым) в прошедшем, зато в будущем размежевание видов становится совершенно отчетливым: бесприставочный глагол употребляется как НСВ, приставочный – как СВ.

Таковы пары *молвить – промолвить (вымолвить)*, *венчать – обвенчать (повенчать)*, *крестить – окрестить (покрестить)*, *резервировать – зарезервировать*, *наследовать – унаследовать*, *бежать (из тюрьмы и т.п.) – убежать (сбежать)*.

¹⁹ Хотя выше мы говорили, что локутивный элемент в значении глагола *женить* находится на втором плане (вообразимы ситуации, когда кто-то кого-то женит, не совершая речевых действий), в разбираемых примерах речевое действие со стороны священника и царя, кажется, совершенно обязательно.

Например, *Х молвит...* – это скорее несовершенный вид (настоящее время), если же требуется вид совершенный, то желательно использовать приставочное *промолвит*. *Х крестит (венчает, резервирует, наследует, бежит)* – это *наверняка* НСВ (настоящее время), а совершенный вид (и будущее время) возможны *только* у приставочных глаголов: *окрестит, зарезервирует, унаследует, убежит*.

Оба эти факта мы в состоянии объяснить. Можно предположить, что в будущем времени (а также в повелительном наклонении, которое мы специально не рассматриваем) аспектуальные свойства наших глаголов – глаголов с "референциально фиксированными актантами" – могут несколько отличаться от аспектуальных свойств прошедшего, причем отличаться таким образом, что *возрастет потребность в формальном различии видов*.

Действительно, в будущем (кроме особых, "вторичных" случаев, когда точкой отсчета служит не момент речи, а более поздний момент, который последует за описываемым действием) очевидным образом невозможно перфектное значение СВ и, соответственно, имперфектное (общефактическое) значение НСВ.

Вместо этой оппозиции, которая, как мы видели, для наших глаголов в высокой степени нейтрализована, имеется иная: "внимание привлечено к результату действия (СВ) – внимание привлечено к, так сказать, "преддействию", к обстоятельствам, которые налицо уже в момент речи и которые позволяют ожидать, что действие состоится (НСВ "приступа к действию", или "проспективный" НСВ, как мы его назвали в Зельдович 2002". Ср. примеры из Зельдович 2002, 38:

- (32) а. Я сварю суп. Купи, пожалуйста, перца.
 б. Я буду варить суп. Купи, пожалуйста, перца.
 (33) а. Ивана уволят. Надо ему помочь.
 б. Ивана будут увольнять. Надо ему помочь.

СВ в примерах (а) привлекает внимание к *результату* предстоящего действия, а НСВ в (б) служит, чтобы подчеркнуть интерес Говорящего к тому, что есть или будет *перед* тем, как действие состоится. (32а) скорее всего значит, что перец будет добавлен уже в готовый суп, а (32б) – что перец будет добавляться к супу *в ходе* его варки; (33а) – что Ивану нужно помогать *после* увольнения, а (33б) – что *до* (а может быть, и самое увольнение попытаться предотвратить).

Выше мы говорили, что если у глагола "референциально фиксированные актаны", резко падает вероятность его итеративного употребления и что

имперфектный (общефактический) НСВ предполагает, что ситуация может быть повторена, – и в итоге способность к общефактическому употреблению у такого глагола понижается.

Что же касается проспективного будущего времени, то оно "повторимости" ситуаций *не требует* – по причинам, которые изложены в Зельдович 2002, 160-163 и существо которых сейчас не слишком важно; важно только, что такой НСВ реально употребляется, ср. примеры из Зельдович 2002, 160-161:

- (34) а. *Иван умирал (в результивном имперфектном смысле плохо);
 б. Ну, буду умирать (проспективное употребление НСВ: 'наличные обстоятельства таковы, что умру'; ясно, что речь здесь идет именно о законченном действии);
- (35) а. ??"Маленькие трагедии" писал Пушкин (в результивном имперфектном смысле почти недопустимо);
 б. ... а потом Пушкин будет писать "Маленькие трагедии" (проспективное значение, только с точкой отсчета в прошлом: '(в опорный момент прошлого) есть такие обстоятельства, что Пушкин напишет "Маленькие трагедии"').

Как видим, в будущем времени имеется особая оппозиция "проспективность (НСВ) – не-проспективность (СВ)", которая, в отличие от оппозиции "имперфект (НСВ) – перфект (СВ)", *не зависит* от повторимости ситуаций.

Поэтому вытекающая из определенности актантов слабая повторимость соответствующей ситуации в меньшей степени ограничивает пространство возможных употреблений глагола, а следовательно, здесь более ощутима потребность в разграничении совершенного и несовершенного видов. Именно отсюда – отмеченная Ю.Д. Апресяном общая тенденция: грамматическая неоднозначность двувидовых глаголов ярче всего проявляется в непрошедшем времени. Именно поэтому если у двувидового глагола имеется приставочный коррелят, то вероятно, что именно в будущем времени влияние такого коррелята на то, как мы осмысляем бесприставочный глагол, будет ощутимее и этот глагол будет прочитываться как имперфективный.

Заметим еще, что, поскольку дополнительные возможности будущего времени ближайшим образом связаны с ослаблением ограничений на использование несовершенного вида, то неудивительно, почему иногда даже и те двувидовые глаголы, у которых нет приставочного или суффиксального одновидового соответствия, в будущем времени все равно ощущают тяготение к имперфективности. Например, простое будущее (и, следовательно, совершенный вид) маловероятны или просто исключены не только для *молвить*, *бежать*, *венчать* и т.п., но и для *абонировать*,

анонсировать, рекомендовать, отвечать, утрировать и для ряда других глаголов.²⁰

2.6.0. Вспомним теперь о нашем втором тезисе – что двувидовость глаголов связана с запретом на неопределенные актанты, – и посмотрим, какие доводы можно привести в его пользу.

2.6.1. Первый из них – статистического характера. В случайной выборке из 100 глаголов на *-ировать* мы нашли 59 двувидовых глаголов, которые практически *не допускают* референциально неопределенных актантов, и 40 одновидовых (СВ и НСВ), при которых неопределенный актант возможен: это глаголы типа *затранскрибировать* (*Кто-то уже затранскрибировал это слово*), *декламировать* (*Кто-то на вечере будет декламировать Блока*), *бравировать* (*У Ивана такой характер, что он постоянно чем-то бравирует*).

Единственным исключением оказался глагол несовершенного вида *лидировать*, для которого неопределенный субъект недопустим – однако это хорошо объяснимо его семантикой: речь идет об *одном* человеке (одной команде, одном товаре и т.д.), который занимает на соответствующей шкале самое высокое положение. То, что *кто-то* (*что-то*) такое положение непременно занимает, ясно и *a priori*, поэтому субъект непременно должен быть конкретизирован.

Так или иначе, между двувидовостью и требованием об определенности участников ситуации, а с другой стороны – между "одновидовостью" и отсутствием такого ограничения – наблюдается весьма строгая корреляция.

2.6.2. Второй аргумент, по существу, уже приводился выше, в пп. 1.3.2 и 2.2, где было показано, что близкие по семантике глаголы, из которых один двувидовой, а другой нет, часто ведут себя совершенно по-разному: двувидовой исключает неопределенные актанты, а при одновидовом они допускаются. Вот далеко не полный список таких пар: *блокировать* –

²⁰ Часто для проверки видовой принадлежности глагола в будущем времени используется тест со сложной формой на *буду* (*будем канонизировать, буду жениться VS ^{??}буду вельть, ^{??}буду обещать*).

Мы не хотели бы к нему прибегать, ибо он попросту некорректен.

При обозначении предельного действия немаркированным, нейтральным обычно является СВ, а употребление НСВ связано с многообразными вторичными эффектами (см. подробнее Зельдович 2002), в данном случае – с эффектом "приступа к действию". С другой стороны, сделать невозможным употребление такой "перспективной" формы НСВ способны и *совершенно посторонние* факторы: например, в *^{??}буду вельть, ^{??}буду обещать* это моментальный характер глагольного действия (см. Зельдович 2002, 141-152, 162), – так что тестовая ценность таких конструкций приближается к нулю.

заблокировать; *велеть* – *приказывать* (*распорядиться*); *воздействовать* – *повлиять*; *даровать* – *подарить*; *заимствовать* – *позаимствовать*; *исследовать* – *изучить*; *информировать* – *проинформировать*; *казнить* – *убить*; *легализовать* – *узаконить*; *модернизировать* – *обновить*; *молвить* – *сказать*; *мотивировать* – *обосновать*; *наследовать* – *унаследовать*; *обещать* – *пообещать*; *ответствовать* – *ответить*; *премировать* – *наградить*; *резервировать* – *зарезервировать*; *реставрировать* – *отреставрировать*; *ретироваться* – *уйти*; *симулировать* – *притвориться*; *схематизировать* – *упростить*.

Такое положение вещей наводит на мысль, что даже если идиосинкразия к неопределенным актантам изначально была продиктована семантикой двувидовых глаголов, позднее, при расширении этой группы, она стала, так сказать, квинтэссенцией двувидовости, и в результате запрет на неопределенность актантов получил не свойственную ему изначально автономии, из семантически мотивированного стал относительно произвольным – хотя, разумеется, и собственно семантический разрез у двувидовости тоже есть; ему будет посвящена часть 3 этой статьи.

2.6.3. Другое выразительное подтверждение обсуждаемой корреляции дают глаголы *исследовать*, *обследовать* и *ранить*. При *исследовать* и *обследовать* допускается неопределенный субъект:

(36) Кто-то уже исследовал эту проблему (обследовал эту местность),

но тогда эти глаголы прочитываются *только как несовершенный вид*. Например, едва ли можно сказать:

(37) ^{??}К настоящему времени кто-то уже исследовал эту проблему (обследовал эту местность), –

хотя приемлемо:

(38) К настоящему времени Иван уже исследовал эту проблему (обследовал эту местность).

Обороты типа *к настоящему времени уже...* сочетаются почти исключительно с глаголами совершенного вида (ср. *к настоящему времени уже прочитал, сделал, сварил...* VS ^{??}*к настоящему времени уже читал, делал, варил...*), а в (37) неопределенность субъекта подобную интерпретацию блокирует.²¹

Что касается глагола *ранить*, то у него выделяются три значения: можно ранить в бою; можно ранить руку ножом; наконец, *ранить* может значить

²¹ Можно думать, что подобным образом поведут себя и другие двувидовые глаголы; очевидные кандидаты – *датировать*, *атрибутировать*, *картографировать*.

‘причинять/причинить душевные страдания’ (более тонкое описание этих значений нам здесь не требуется).

Только в первом и третьем значении глагол *ранить* двувидовой: например, *Его ранили в бою* и *Иван своими словами меня ранил* скорее значит, что один раз и что результат каким-то образом актуален в момент речи (тогда это СВ), но может и обозначать многократное действие, либо действие, чей результат уже ни в каком смысле не актуален (НСВ).²² В контекстах типа *ранить руку ножом* этот глагол всегда (кроме архаических употреблений) несовершенного вида (пара – *поранить*).

В полном согласии с нашими прогнозами оказывается, что одновидовое *ранить* допускает неопределенный актант: *Я чем-то постоянно ранил правую руку*, – а двувидовые омонимы – нет; ср. аномальное: ^{??}*Ивана чем-то ранили в бою*; [?]*Ивана кто-то ранил в бою шашкой*; [?]*Иван чем-то ранил душу Марии*; [?]*Кто-то злым словом ранил ее душу*.

Таким образом, и в пределах одной глагольной вокабулы прослеживается та же закономерность: двувидовость несовместима с неопределенностью актантов.

2.6.4. Капризно, но тоже объяснимо с наших позиций поведение глагола *жениться*.

Он употребляется либо асимметрично: *X женился на Y-е* (вариант – абсолютное *X женился*, где *Y* просто имплицитен), – либо симметрично: *X и Y женились* (Jászay 1999, 171). В первом случае он двувидовой, во втором – это несовершенный вид (пара – *пожениться*).²³

Простое и правдоподобное объяснение такого неожиданного контраста состоит в том, что у несимметричного *жениться* два актанта (причем оба – непременно определенные; ср. ^{??}*Кто-то женился на Маше*; ^{??}*Иван на ком-то женился*. Кажется, во втором случае неопределенность запретна не потому, что этот глагол двувидовой, а по более общим прагматическим причинам, – но дело от этого не меняется), а у симметричного *жениться* – только один: вся группа *X и Y* как целое.

В таком случае асимметричный вариант обозначает ситуацию, которая, имея больше определенных актантов, так сказать, прочнее “прикреплена” к действительности – и потому скорее должна оказаться единичной.

²² Там, где *ранить* значит ‘причинять душевные страдания’, возможно и актуально-длительное либо дуративное употребление этого глагола, но входить в тонкости здесь не обязательно.

²³ Точно так же обстоит и с глаголом *венчаться*: асимметричная форма *X венчался с Y-ом* – двувидовая, симметричная (*X и Y венчались*) – скорее всего несовершенный вид. Все сказанное ниже полностью относится и к *венчаться*.

Мы, конечно, не утверждаем, что одного "референциально закрепленного" актанта недостаточно, а двух – достаточно, чтобы глагол стал двувидовым. Наш тезис слабее: *если* у двух глаголов разное число актантов и они "фиксированные" и *если* какой-то глагол оказался "обычным", а какой-то – двувидовым, то логично ожидать, что двувидовым будет тот, у которого актантов больше.²⁴

Вот далеко не полный ряд параллельных примеров, где первые глаголы в каждой паре двух-, а вторые одновалентны – и при этом именно двухвалентный глагол скорее оказывается двувидовым: *аттестовать* (двувидовой) – *аттестоваться* ('проходить аттестацию' или 'пройти аттестацию'; почти всегда – первое, то есть по преимуществу это глагол несовершенного вида); *канонизировать* (двувидовой) – *канонизироваться* ('проходить/пройти процедуру канонизации'; практически всегда несовершенный вид); *перифразировать*, *резюмировать* (двувидовые) – *перифразироваться*, *резюмироваться* (ср.: Пресловутый "метод последовательных приближений" перифразировался (резюмировался) у нее поговоркой "Пока солнце взойдет, роса очи выест" (И. Обская). У интересующих нас глаголов – только многократное значение и только несовершенный вид); *резервировать* (двувидовой) – *резервироваться* (*Места в гостинице резервировались только для участников конференции*; всегда импрефектный, многократный или актуально-длительный НСВ); *использовать* (двувидовой) – *использоваться* (НСВ).

Конечно, можно заподозрить, что приведенные глаголы на *-ся* тяготеют к несовершенному виду просто потому, что они страдательны, а в страдательном залоге совершенный вид на *-ся*, типа **Книга написалась Иваном*, практически неупотребителен. Это было бы ошибкой: любой из приведенных возвратных глаголов допускает не-страдательную интерпретацию (*аттестоваться* и *канонизироваться* – собственно-возвратную, остальные – медиальную) – то есть ту интерпретацию, которая сама по себе еще отнюдь не блокирует ни употребление глаголов совершенного вида, ни соответствующее прочтение двувидовых.

Более изысканной иллюстрацией этого же явления может быть формально одновалентный двувидовой глагол *деградировать*.

²⁴ Впрочем, и в пользу более названного более сильного тезиса тоже найдутся аргументы. Коротко говоря, ситуация с двумя участниками прототипичная, в некотором смысле "образцовая", а с одним – нет. Именно первая настолько полноценно "закреплена" в реальности, что трактуется как *транзитивная*, то есть *качественно* более "конкретная", чем ситуация с одним-единственным участником (кстати, и разбираемый тут глагол *жениться на ком-то* – во многих языках прямопереходный). См. Croft 1991, 1994; Dowty 1991 и особенно Hopper, Thompson 1980.

Если сравнить его с похожими по значению "одновидовыми" глаголами типа *поглупеть*, *ослабеть* и т.п., то обнаружится резкое различие. Такие глаголы способны обозначать как серьезное, так и незначительное изменение в субъекте (*немного поглупел*, *слегка ослабел*), а *деградировать* – только серьезную, качественную перемену.

По-видимому, так обстоит потому, что субъект еще *не* деградировавший и субъект деградировавший – это в определенном смысле уже *разные* субъекты. Например, если *X деградировал*, то мы, не забывая о референциальном тождестве прежнего и теперешнего *X*, все равно можем сказать, что *X-а не узнаем*, что его *подменили* и т.п. (Для *поглупеть*, *ослабеть* и т.п. подобное возможно, только если *специально подчеркивается*, насколько сильно изменение: ср. с одной стороны ^{??}*X поглупел (ослабел) – его просто нельзя узнать*, а с другой – *X катастрофически поглупел (ослабел) – его просто нельзя узнать; X так поглупел (ослабел), что его просто нельзя узнать*).

Как видим, из набора мыслимых интерпретаций, который в первом приближении можно обозначить как 'статус субъекта понизился (неизвестно, насколько)' и 'статус субъекта радикально понизился', двувидовой глагол *деградировать* "выбирает" ту (вторую), при которой его субъект семантически "раздваивается" – благодаря чему у ситуации есть больше шансов оказаться принципиально единичной, плохо повторимой.

2.6.5. Наконец, видя основную черту двувидового глагола в референциальной закреплённости участников ситуации, можно лучше понять, почему же ядро двувидовых глаголов составляют именно глаголы речи. Разумеется, важно и то знакомое нам обстоятельство, что эти глаголы моментальны: оно, как мы говорили выше, приводит к нейтрализации видовых оппозиций 3-5 (см. п. 1.2), – однако в свете всего изложенного более существенным представляется другое.

Начнем мы издалека.

Убедительно показано, что всякое предложение в тексте – кроме начального – непременно должно содержать "топик" – такой относящийся к теме и референциально определенный (в некоторых случаях имплицитный) актант или сирконстрант, который "связывает" его с предыдущим текстом Jaeger 2001.

Наличие в предложении двух или более тематических и определенных актантов допустимо, но отнюдь не обязательно. Более того, можно думать, что там, где предложение допускает и "моно-", и "политопикальную"

интерпретацию, предпочтение (из более или менее очевидных соображений мыслительной экономии) будет отдаваться первой.²⁵

Рассмотрим в качестве примера лермонтовскую строфу

- (39) Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
(Курсив мой – Г.З.).

В последнем стихе (он же – последнее простое предложение) есть два претендента на топикальность – *звезда* и *с звездою*.

Предположим, что первая *звезда* имеет определенный референциальный статус.²⁶ Следует ли отсюда, что, поскольку разговор между звездами в определенном смысле "симметричен", вторая *звезда* тоже обязательно должна быть конкретно-референтна?

Кажется, этот вывод плохо согласуется с интуицией: по-видимому, в обсуждаемом стихе говорится, что *определенная* звезда говорит с *какой-то* другой звездой.

Известно, что в различном поэзия ищет подобие, а в сходном – контраст. По-видимому, своей выразительностью последняя строка (39) обязана именно тому, что два употребления "звезды" контрастны по линии "топикальность – не-топикальность": одно и то же сначала становится отправной точкой высказывания, а затем – совершенно неожиданно – еще и важной частью собственно *сказанного*, того нового, ради чего совершается речевой акт, – и возникает этот контраст как раз потому, что в языке есть отчетливая тенденция к *единичности* топики. (Вспоминается чье-то наблюдение, что у графомана было бы "звезда с луною говорит", а у гения сказано – "звезда с звездою". Дело именно в том, что такая квази-тавтология и позволяет лучше почувствовать *коммуникативную* противопоставленность двух употреблений "звезды").

Подлинные "политопикальные" высказывания безусловно встречаются, но они почти всегда явно вторичны по отношению к "монотопикальным" –

²⁵ Разумеется, топик очень близко соотносится с фокусом эмпатии, а двойной фокус эмпатии языком избегается (отсюда аномалия во фразе ??Муж Марии бьет свою жену, где говорящий сначала выбирает за "точку отсчета" Марию, а потом – ее мужа. См. Kuro 1976), но рассматривать подробно эти соотношения мы не будем.

²⁶ Эта интерпретация не единственно возможная, но она вполне допускается текстом, особенно ввиду того, что в предшествующих предложениях имеются эксплицитные топики – конкретно-референтные существительные (*туман, ночь, пустыня*). Если принять, что денотативный статус у обоих "звезд" экзистенциальный, предложение из категорического станет тетическим, то есть топиком окажется "то, что сейчас имеет место (есть: звезда с звездою говорит)" (ср. Kuroda 1972).

так, как, например, *Иван Марию любит* (с топиком "Иван, Мария") вторично по отношению к *Иван любит Марию* с единичным топиком "Иван").

На этом фоне двувидовые глаголы совершенно исключительны. Если заполнители их валентностей референциально определены и если, как хорошо известно, референциальная определенность актанта делает более вероятным, что этот актант тематичен и, следовательно, топикален, – то двувидовые глаголы должны тяготеть к не характерной для прочих глаголов "политопикальности".

Какова же та самая примитивная, наиболее очевидная и *необходимая для существования языка* ситуация, в которой даны наперед (а потому тематичны) и заведомо определены не один, а сразу два ее участника? Очевидно, это ситуация "я тебе (что-то) говорю" – *прототипическая ситуация речи*.

Разумеется, во многих случаях, – например, если о речевом акте (речевых актах) сообщается в третьем лице и/или в ненастоящем времени, либо в настоящем узуальном, – неопределенность участников становится допустимой (*Кто-то мне сказал, что...; Я кому-то уже говорил, что мы уезжаем; Все время кому-то говорю, что надо починить замок, – и никакого толку*), однако *исходной* формой глагола *говорить* следует признать первое лицо единственного числа в однократном (актуальном) значении. Всякое описание *чужих* речевых актов, равно как и своих собственных речевых актов, сделанных в другое время, предполагает существование и описываемых актов, и "текущего" акта речи, в котором дается такое описание, а актуальное "я говорю..." – существование лишь одного "текущего" акта.²⁷

2.7. Рассмотрим теперь два трудных примера, которые на первый взгляд противоречат тезису о референциально определенных актантах как важнейшей предпосылке двувидовости.

Это глаголы *использовать* и *оборудовать*, которые, оставаясь несомненно двувидовыми (ср. выше совсем иную ситуацию с *обследовать* и *исследовать*), тем не менее легко допускают неопределенное подлежащее:

²⁷ Добавим еще, что эти рассуждения хорошо согласуются с уже упомянутым типологически обоснованным и чрезвычайно важным выводом П.Манро [Munro 1982], что глагол *сказать* при каждом своем употреблении, по крайней мере при каждом "цитатном" употреблении (*сказать* + прямая цитация), вопреки общему правилу (по которому глагол называет нечто заведомо воспроизводимое, а не уникальное) формируется вместе с содержанием сказанного уникальным, "одноразовый" предикат. Если двувидовые глаголы – ввиду запрета на неопределенность актантов – называются действие, которое плохо повторимо, то связь прототипических двувидовых глаголов с говорением выглядит более чем естественно.

- (40) Кто-то использовал мой клей (если *частично*, то вероятен НСВ; если *полностью* – СВ).
 (41) Кто-то оборудовал здесь сапожную мастерскую (если *не закончил* оборудовать, то НСВ, если *закончил* – СВ).

Присмотримся, однако, как устроено значение этих слов.

Если *X использовал Y*, то *X* сделал с *Y*-ом нечто такое, что в том или ином смысле *нужно X-у*: он от этого либо получает прямую выгоду, либо благодаря этому становится способен совершить какое-то иное действие: ср. соответственно *X использовал весь сахар* 'X *потребил* весь сахар' и *X использовал клей, чтобы починить обувь* 'X сделал с клеем что-то такое, что благодаря этому X починил обувь'. Так или иначе, в семантической структуре глагола *использовать* субъект *X* выступает еще и второй раз (либо в качестве бенефицианта, "получателя пользы", либо как субъект другого действия). Понятно, что два эти *X*-а должны быть кореферентны, а следовательно – они по отношению друг к другу и *вполне определены*: второй *X* – это *тот же самый X*, что и первый, и наоборот, – то есть определены даже и тогда, когда формально в роли *X*-а выступает *кто-то*. (Эта ситуация очень похожа на ситуацию с конструкциями типа *Если кто-то обещал тебе золотые горы, лучше ему не верь*; *Если кого-то в отделе премировали, устраивается большой банкет*, о которой мы писали выше, в п. 1.3.2).

Что касается глаголы *оборудовать*, то здесь есть два варианта: *X оборудует Y для себя* и *X оборудует Y для кого-то другого*.

В первом случае *X* появляется в семантической структуре дважды, а потому должен приобретать и ту же специфическую определенность, о которой мы только что говорили, – и отсюда – правильность фразы (41).

В случае, когда *X* оборудует нечто для кого-то другого, эта определенность исчезает. Именно поэтому фраза

- (42) ??Кто-то здесь оборудовал для нас мастерскую

либо плоха, либо требует предположения, что под *кто-то* говорящий подразумевает вполне конкретного человека.

Как видим, и неожиданная правильность примеров (40-41), и контраст между предложениями (41) и (42) – все это с наших позиций хорошо предсказуемо.

3. Двувидовость и значение глагола

3.1. Мы убедились, что двувидовость связана с требованием об определенности актантов. Вместе с тем, попытки прямо "вывести" это требование из семантики соответствующих глаголов – по крайней мере из того *самого главного*, о чем эти глаголы говорят, – такие попытки успеха не обещают. Во-первых, как мы видели выше (пп. 1.3.2, 2.2, 2.6.2), в паре близких по значению глаголов один может быть двувидовым, а другой – нет (ср. *даровать* – *подарить*, *ответствовать* – *отвечать* и т.п.). Во-вторых, даже и там, где "одновидовых" коррелятов у двувидового глагола не находится, все равно очень легко *представить себе* глагольную лексему с тем же или весьма похожим значением – но формально дифференцирующую аспект; проще говоря: не видно, чем именно в семантике глагола могло бы вызываться интересующее нас ограничение.

Следует ли отсюда, что требование о референциальной определенности актантов остается чистой игрой формы и никак не связано со смыслом двувидового глагола?

Думаем, что нет.

Отсюда *действительно следует*, что между значением глагола и идиосинক্রазией к неопределенным актантам нет связи вида "значение глагола \Rightarrow идиосинক্রазия", но отсюда *вовсе не следует*, что отсутствует связь противоположной направленности – связь, благодаря которой сама эта идиосинক্রазия отбрасывает на значение глагола "обратный свет" и определенным образом это значение модифицирует – модифицирует едва уловимо (и поэтому безусловно существуют упомянутые почти минимальные пары глаголов, отличающихся практически только "на двувидовость"), и модифицирует в разных случаях по-разному (и поэтому проследить связь можно, только идя от запрета на неопределенные актанты к глаголу, а не наоборот, от глагола к запрету).

Такая модификация в значении двувидовых глаголов действительно наблюдается, и ниже мы опишем две ее основные разновидности. Однако прежде полезно задуматься над самой ее природой.

3.2. Если вопреки общим правилам двувидовой глагол требует, чтобы все участники обозначаемой им ситуации были определенными, то логично предполагать, что это продиктовано *особенностями самой ситуации*.

Будем рассматривать лишь ситуации, которые транзитивны в строгом смысле слова,²⁸ – те ситуации, где есть субъект и прямой объект: поскольку

²⁸ В теории транзитивности П. Хоппера и С. Томпсона (Hopper, Thompson 1980), о которой у нас будет случай говорить позже, транзитивность понимается значительно свободнее; см. п. 4.7.

ку подавляющее большинство двувидовых глаголов в названном смысле транзитивны, такое упрощение не исказит общую картину, зато изложить существо дела нам будет намного легче.

Общепризнанно, что прототипическая транзитивная ситуация – это та, где субъект *прямым и очевидным образом что-то изменяет в объекте* (см., напр., Dowty 1991, Croft 1994). Другими словами, транзитивная ситуация тем ближе к прототипу (или, в терминах В.Крофта, к идеализированной когнитивной модели), чем более очевидно, доступно прямому наблюдению *взаимодействие субъекта и объекта*.

Если же хорошо наблюдаемо их *взаимодействие*, то, значит, и сами субъект и объект тоже легко "опознать", выделить среди иных явлений.

Надо думать, что именно в таких условиях субъект и объект могут, фигурально говоря, "позволить себе роскошь" остаться (лингвистически) полностью неопределенными, остаться просто *кем-то* или *чем-то*, а там, где ситуация отклоняется от прототипа, неопределенность этих актантов должна становиться проблематичной.

В пользу этого вывода можно привести по крайней мере два аргумента. Первый, совершенно бесхитростный, состоит в том, что прототипические транзитивные глаголы действительно почти всегда допускают неопределенность субъекта и/или (чаще, конечно, – *или*) объекта (ср.: *Кто-то сварил суп / разбил вазу / построил здесь гараж / покрасил калитку; Машиа что-то сварила / что-то разбила*), а непрототипические, не предполагающие изменений в объекте, – нет (ср. затрудненное: ^{??}*Кто-то слушает музыку / ненавидит Ивана / любит книги; ??Машиа что-то слушает; *Машиа кого-то ненавидит / что-то любит*).

Второй аргумент менее очевиден.

Известно, что языки мира достаточно последовательно маркируют пониженную степень доступности участников ситуации: по сути, для этого и требуются все производные диатезы (напомним, что пассив, который есть почти в половине языков мира, часто только *понижает статус субъекта, не затрагивая объект* – по типу булгаковского "Свистнуто"; ср., напр. Мельчук 2004).

Среди прочего, во многих языках существует так называемый антипассив – специальные грамматические средства, понижающие ранг прямого объекта и сигнализирующие, что этот объект труднее (труднее, чем если бы антипассивная конструкция не была употреблена) идентифицировать (см. особенно Givón 1984a; Cooreman 1994).

Хотя в русском языке грамматикализованного антипассива нет, ему функционально подобны конструкции, где объект в винительном падеже заменен косвенной (предложно-)падежной формой: иногда предложным

или творительным, а чаще всего – родительным "отделительным" падежом; ср. *забыть о друге* (← *друга*); *бросить камнем* (← *камень*); *выпить воды* (← *воду*).

Очевидно, во всех этих случаях объект уходит на периферию, становится менее важным для ситуации, а следовательно – в том или ином смысле хуже отождествимым, хуже "опознаваемым".

Если для говорящего главным предметом интереса является *друг*, то скорее будет сказано *Иван забыл друга*, а не *Иван забыл о друге*; последнее уместно там, где речь идет в первую очередь об Иване. Если внимание говорящего в первую очередь привлечено к камню, то надо сказать *Иван бросил камень*, а не *бросил камнем* (ср.: *Иван бросил камнем (камень), чтобы его расколоть*). Более подробный анализ этих примеров см. в Зельдович 2005, Глава 2).

Родительный партитивный, типа *выпить воды*, значит, что в ситуации могло бы принять участие *больше* воды, а следовательно, что *эта*, принявшая участие в ситуации вода от, так сказать, "остальной" воды плохо отличима.

Как видим, объект в русских (квази-)антипассивных конструкциях по сравнению с прямым объектом хуже отождествим.

При этом оказывается, что в транзитивных конструкциях объект может быть предельно обобщенным (*кто-то*, *что-то*), а для антипассива такой вариант достаточно сомнителен. Ср.:

- (43) а. Я должен вернуться домой: я что-то забыл;
 б. [?]Я должен вернуться домой: я о чем-то забыл (но ср. с конкретизированным объектом: *...я забыл, что мне будут звонить*).
- (44) а. Иван что-то в меня бросил;
 б. [?]Иван чем-то в меня бросил.
 а. Я бы что-то выпил (съел);
 б. [?]Я бы чего-то выпил (съел).
- (46) а. Конферансье что-то объявил, но мы не расслышали;
 б. [?]Конферансье о чем-то объявил, но мы не расслышали.

Во всех примерах (б) антипассив можно считать приемлемым – но только при особом условии: что в контексте есть некоторое множество заранее известных говорящему и адресату объектов, из которого данное "что-то" выбирается. Например, видя или как минимум воображая накрытый стол, полный холодильник и т.п., вполне уместно сказать *Я бы чего-то выпил (съел)*. Нас, однако, интересует немаркированное, "бесконтекстное" прочтение этих фраз – а в таком случае они едва ли приемлемы.

Замечание 1. В типологическом плане описанная картина достаточна неожиданна: обычно как раз *пониженная* референтность объекта и является мотивом для того, чтобы употреблялся антипассив [Cooreman 1994]. Как интерпретировать эту особенность русского антипассива, мы не знаем. Вероятно, она связана с его неграмматикализированным статусом.

Замечание 2. Можно спросить, почему иначе обстоит с родительным падежом объекта *при отрицании*. С одной стороны, это как будто "антипассивный" падеж: он употребляется как правило тогда, когда соответствующий участник ситуации неопределен, а следовательно, плохо отождествим (см. особенно Timberlake 1986). С другой стороны, здесь нередко выступает именно неопределенный объект *что-то*: *Я чего-то не знаю, но всегда рад научиться; В жизни чего-то всегда не учтешь*. Мы думаем, этот факт не угрожает нашим рассуждениям. Родительный падеж для слова *что-то* здесь не просто возможный, но *единственно допустимый*, а использование винительного дает грубую аномалию (**что-то не знаю, *что-то не учтешь*). Следовательно, на самом деле здесь никакого антипассива нет, ибо по определению антипассив – это понижающая ранг объекта *производная* диатеза, а в данном случае говорить о производности нельзя.

Замечание 3. Вполне возможно, что иллюстрацией нашего тезиса "Если ранг актанта понижен, то нежелательно его представление как *кто-то/что-то*" мог бы служить и обычный пассив, существо которого состоит в "демоции" субъекта (см., напр., [Shibatani 1985]; наши аргументы приводятся в [Зельдович 2009]. К этому вопросу мы ниже вернемся). Здесь действует то же ограничение: ср. *Кто-то уже прочитал эту книгу VS *Эта книга кем-то уже прочитана* (уместно, если предполагается более или менее обозримое множество потенциальных читателей); *Кто-то поставил здесь дом VS **Кем-то здесь поставлен дом*. Дело осложняется тем, что в пассиве субъект синтаксически факультативен, так что неловкость "пустых" местоимений *кто-то* и *что-то* может объясняться и иначе: по очевидным прагматическим причинам здесь логичнее субъекта вообще не называть и употребить неопределенно-личную конструкцию.

Так или иначе, есть основания заключить, что чем участник ситуации ниже в ранге, в частности, чем участник ситуации труднее отождествим, тем эксплицитнее должна быть его дескрипция и тем меньше возможность называть его предельно обобщенными словами *кто-то* и *что-то*.

3.3. Как мы помним, для двувидового глагола эта возможность *заведомо* заблокирована.

Логично думать, что за этим запретом язык будет искать содержательную мотивацию. В таком случае вполне возможно, что она как раз и состоит в слабой "опознаваемости" актантов.

Мы отнюдь не хотим путать причину со следствием и ни в коем случае не утверждаем, будто это *единственный* логически возможный способ интерпретации названного запрета. Мы лишь хотим сказать, что такая интерпретация *допустима* и что в значении многих реально существующих двувидовых глаголов интересующий нас запрет проявляет себя именно таким образом: по сравнению с похожими "одновидовыми" глаголами актанты двувидовых слабее "опознаваемы".

3.4. Слабая "опознаваемость" актантов может предопределяться двумя (несомненно взаимосвязанными) факторами: во-первых, их собственной природой, во-вторых – характером тех причинно-следственных отношений, которые между ними устанавливаются в силу семантики данного глагола.

В первом случае актант тяготеет к абстрактности. Например, *даруют* как правило нечто отвлеченное (свободу, любовь), а *(no)дарить* можно и вещь. Нечто отвлеченное, например черты характера, *наследуют*, а *унаследовать* можно и материальные ценности. Правда, в контексте типа *унаследовал дом деда* этот глагол слегка архаичен (сегодня скорее скажут: *получил в наследство*), но все равно такое употребление намного естественнее, чем ^{??}*наследовал дом деда* (в смысле 'получил в наследство'; конативная интерпретация 'должен был унаследовать, но (скорее) не унаследовал' допустима, но соответствует только несовершенному виду).

По-видимому, иногда слабая "опознаваемость" актанта может быть вызвана не его абстрактностью, а тем, что в результате действия он коренным образом изменяется; ср. глагол *деградировать*, о котором мы уже писали в п. 2.6.4 и к которому еще намерены вернуться. Ясно, что если участник ситуации выступает в двух или нескольких ипостасях (в данном случае субъект *до* своей деградации и субъект *после* деградации), то этим *затрудняется его идентификация*.

Во втором случае участников ситуации труднее отождествить потому, что характерная для прототипической транзитивной ситуации каузальная цепочка "субъект что-то делает – что-то происходит с объектом – объект (в результате этого) находится в таком-то состоянии" [Croft 1994] существенно расширяется – делая, так сказать, хуже обозримой ситуацию как целое и потому хуже опознаваемыми – ее участников.

3.5. Говоря о расширении, надо сразу же ответить на вопрос: расширяется по сравнению с чем?

В частном случае – по сравнению с аналогичной цепочкой у (квази) синонимичного одновидового глагола (если таковой имеется).

В общем случае – по сравнению с тем *интуитивно главным*, о чем сообщает данный глагол и что составляет существо данного действия.

Очевидно, что в семантике глагола есть центральные и периферийные компоненты. Первые без вторых существовать могли бы (в том смысле, что можно говорить об их истинности или ложности),²⁹ а вторые без первых – нет. Например, для *X даровал Y-у Z* важнее всего, что 'благодаря действиям X-а Y начал иметь Z (которым X обладал и/или наличие которого у Y-а зависит от воли X-а)'. Что же касается предпочтительно абстрактной природы Z-а, то соответствующая информация для *даровать* периферийна.

Поэтому в общем случае расширение каузальной цепи – это ее расширение по сравнению с, фигурально выражаясь, "каузальным минимумом", который определяется центральной частью глагольного концепта.

Ниже ради удобства мы анализируем те двувидовые глаголы, у которых есть одновидовой коррелят, однако предполагаем, что на несоотносительные двувидовые глаголы все наши выводы тоже можно распространить.

3.6. Расширение каузальной цепи бывает двух разновидностей.

Во-первых, это, так сказать, "расширение вправо": у события появляется непривычно долгое и/или наглядное "последствие".³⁰

Во-вторых, это удлинение "концептуальной дистанции" между субъектом и объектом, например – за счет (обычно имплицитных) дополнительных участников ситуации, которые *опосредуют* воздействие субъекта на объект.

3.6.1. Особенно многочисленны случаи "расширения вправо".

Ниже в примерах 1-5 рассматриваются двувидовые *verba dicendi*, в примерах 6-8 – двувидовые глаголы, которые не локутивны или локутивная составляющая в их семантике отодвинута на второй план.

Обобщая наши наблюдения над двувидовыми глаголами речи, можно сказать, что соответствующий речевой акт накладывает на говорящего

²⁹ Или, если мы примем популярную в современном языкознании неистинностную модель семантики (см., например, [Sperber, Wilson 1995; Carston 2002; Pragmatics 2007]), – могли бы самостоятельно обогащать когнитивную среду адресата.

³⁰ В другой связи такого типа расширение каузальной цепи превосходно анализируется у В.Крофта в работах [Croft 1991; 1994].

более серьезные обязательства, чем речевой акт, который можно описать близким одновидовым глаголом.

Пример 1. Допустим, по телевидению сообщили, что через час выйдет в эфир новая передача, а затем извинились и ее отменили. В таком случае можно сказать, что передачу *объявили* / *объявляли*, но вряд ли – что ее *анонсировали*; ср.: *Час назад объявили / объявляли /^{??} анонсировали новую передачу, да тут же и отменили; Почему передачи нет? Ведь ее объявили / объявляли /[?] анонсировали.*³¹ В отличие от *объявить* и *объявлять*, двувидовой глагол *анонсировать* предполагает более длительное и, так сказать, осязаемое последствие – выход соответствующей передачи.

Пример 2. Сравним похожие по семантике глаголы *покаяться* и *исповедоваться*. Первый – это обычный совершенный вид, второй двувидовой. Так же, как в предыдущих примерах, именно у двувидового отчетливее чувствуется перфектность. Грубо говоря, *покаяться* – это очиститься от грехов (но неизвестно, надолго ли), а *исповедоваться*, – очиститься *сравнительно надолго*; ср.: *Иван покаялся /[?] исповедовался – и тут же пустился снова грешить.* (Показательно также, что имеющий четкую видовую принадлежность просторечный глагол *поисповедоваться* в этом контексте совершенно безупречен).

Пример 3. Тот, кто в своей речи что-то *отметил*, может позже к этому и не возвращаться и никак не учитывать соответствующий факт ни в дальнейших рассуждениях, ни в своем поведении; если же кто-то что-то *констатировал*, то впоследствии он тем или иным образом должен с данным фактом считаться.

Похожая пара – *упростить* и *схематизировать*. Упрощают что-то по многим причинам, а схематизируют как правило для того, чтобы в дальнейшем этим схематическим представлением *пользоваться*. Так же обстоит с *заострить* и *утрировать*. Заострить формулировку можно ради сиюминутных коммуникативных нужд, – например, чтобы раззадорить оппонента, а утрирование почти всегда чревато каким-то серьезным перегибом, содержательной ошибкой, которая проявит себя в дальнейших рассуждениях и/или действиях говорящего.

Пример 4. Рассмотрим пару *ответить* – *ответствовать*. *Ответить* на вопрос можно *наобум*, просто для того, чтобы спрашивающий больше не беспокоил, – то есть не имея в виду никаких значимых *последствий* своего ответа, а *ответствовать* в такой ситуации никак нельзя. Нельзя также сказать, что кто-то что-то *ответствовал* и при этом сознательно врал – хотя *ответить*, говоря заведомую ложь, безусловно можно.

³¹ Не принимаем в расчет экзотическое конативное осмысление *анонсировать* как 'пытаться объявить, но так и не объявить'. Вообще, для всех двувидовых глаголов в приводимых ниже примерах предполагается перфективное осмысление.

Аналогичным образом обстоит в паре *сказать – молвить*: ср. *сказать наобум (не подумав)*, *сказать неправду* и ^{??}*Молвить наобум (не подумав)*, ^{??}*молвить неправду*.

Пример 5. В паре *приказать – велеть* того или иного рода "последствие" тоже более ярко выражено у двувидового *велеть*. Фраза *Начальник приказал принести документацию, но никто не пошелохнулся* кажется несколько естественнее, чем *Начальник велел принести документацию, но никто не пошелохнулся*: при употреблении *велел* отчетливее ожидание, что распоряжение будет выполнено или что попытка его выполнить по крайней мере будет предпринята. Между примерами *Начальник приказал уволить Ивана – и тут же пожалел об этом* и *Начальник велел уволить Ивана – и тут же пожалел об этом* имеется тонкое различие: в первом случае начальник в равной степени мог пожалеть о том, что отдал приказ, то есть сказал определенные слова (*независимо* от того, воспоследовал ли перлокутивный эффект и был ли приказ исполнен), – и о том, что приказ исполнен и Ивана уволили; во втором случае несколько более вероятно, что Ивана действительно уволили – и начальник жалел о *результате*, к которому привело его речевое действие.

(В п. 1.3.2 мы говорили, что при употреблении обычного, "одновидового" глагола речи конкретное *содержание* сказанного может быть не важным, а двувидовые глаголы ничего подобного не допускают. По-видимому, это обстоятельство как раз и связано с обсуждаемой "гиперперфектностью" двувидовых глаголов).

Пример 6. Сравним "стандартный" глагол *подарить* и двувидовой глагол *даровать*. Предположим, речь идет о *материальной* ценности, например о *шубе*. Тогда если *X подарил (дарил) Y-у Z*, то вполне допустимо, что *X Z-ом не воспользовался*; например, если *Иван подарил Петру шубу*, то Петр мог тут же ее выбросить, передарить и т.п.³² В случае с *даровать* подобное развитие событий маловероятно; ср. ^{??}*Царь даровал Петру шубу со своего плеча, но тот ее сразу же выбросил*.

Похожим образом обстоит и с другими глаголами "даяния". Ср. пару *выделить (деньги) – ассигновать*. В первом случае мыслить себе отмену решения легко, а во втором едва ли вообще возможно; ср. *Выделили / ^{??}Ассигновали было деньги на ремонт, а потом передумали*. В сходной паре *вложить (деньги) – инвестировать* только первый глагол без натяжек допускает, что деньги вложены зря, без результата, ср. *В дело вложили / [?]инвестировали миллион долларов, но закончить строительство не смогли*.

³² Абстрактные дары, как в *подарить / даровать свободу*, *подарить / даровать свою любовь*, отвергнуть труднее именно из-за их абстрактности, так что здесь контраст между *подарить* и *даровать* менее заметен.

Если кого-то чем-то *наградили*, то отобрать награду – с точки зрения языка, разумеется, – легче, чем если *премировали*. Если *оплатили* выполнение проекта, то попросить назад деньги легче, чем если проект (в перфектном, а не конативном смысле, конечно) *финансировали*.

Подобного же типа и несколько иная, так сказать, конверсная (речь не о даянии, а о получении) пара *приобрести* и *стяжать*: что-то приобрести можно и *на время*, а стяжать – только *навсегда*.

Пример 7. Тот, кто *ушел*, скорее может вернуться – по крайней мере в обозримом времени, – чем тот, кто *ретировался*; последний глагол скорее значит 'уйти и не вернуться'.

Пример 8. Как мы видели в п. 2.6.4, двувидовой глагол *деградировать* отличается от близких одновидовых *поглупеть*, *ослабеть*, *опуститься* и т.п., так сказать, бесповоротностью потерь: поглупеть и проч. можно *на время*, а деградировать на время никак нельзя.

3.6.2. Что касается удлинения каузальной цепи "внутри" глагольного действия, то есть ситуации, когда субъект вызывает изменения в объекте не прямо, а с участием посредующих звеньев, то примерами могут быть глаголы *казнить*, *миловать*, *содействовать* и *электрифицировать*.

Пример 1. Сравним глаголы *казнить* и *убить*. *Убить* можно и косвенным воздействием (например, словом, клеветой и т.п.), и воздействием прямым (например, застрелить, зарезать). Если здесь наблюдаются какие-то предпочтения, то в пользу *прямой* каузации; при отсутствии контекста, если, допустим, сказано только, что *Иван убил Петра*, слушатель станет думать, что убил *непосредственным* воздействием. У глагола *казнить* дело обстоит иначе: хотя этим словом можно назвать и *непосредственное* умерщвление (*Палач, который казнил преступника...*), в немаркированном случае казнящий – это тот, кто *отдает распоряжение* умертвить, *выносит приговор* и т.п. Иначе говоря: у глагола *казнить* есть ощутимая тенденция к обозначению непрямой каузации, каузальная цепочка здесь удлиняется за счет того – логически не обязательного! – участника, который приводит приговор или приказ в исполнение.

Пример 2. Сравним "одновидовые" глаголы *пощадить*, *пожалеть* и дву-видовой *миловать*. *Пощадить* и *пожалеть* может свою жертву преступник, который собирался *сам* причинить ей зло, а милует обычно тот, кто *отдает распоряжение* зла не причинять – а воздерживается от причинения зла или предотвращает его причинение уже другой человек, оказывающийся *дополнительным звеном* в каузальной цепи.

Пример 3. Глагол *содействовать* обозначает более опосредованную каузацию, чем глагол *помочь*.

Пример 4. По-видимому, действие *электрифицировать* предполагает больше промежуточных фаз, чем действие *провести свет*: в первом случае вероятнее, что тот, кто электрифицировал, делал это не собственноручно, а только *принял решение, отдал кому-то приказ* и т.д.

Заметим, что у *электрифицировать* по сравнению с *провести свет* и *последействие* тоже более длительное (например, проведя свет, немедленно демонтировать кабель – в собственно языковом, так сказать, смысле – легче, чем электрифицировать). Отсюда видно, что расширение каузальной цепи вправо и ее удлинение за счет дополнительных внутренних звеньев друг друга не исключают.

4. Заключение

4.0. Изложенное приводит к нескольким выводам, которые касаются не только, так сказать, "внутреннего устройства" двувидовых глаголов, но и более общих проблем: вопроса о том, насколько органичны (или – наоборот – чужеродны) двувидовые глаголы для русского языка; вопроса о первичности совершенного вида в русской аспектуальной системе; вопроса о закономерности языковых исключений; общей теории транзитивности П. Хоппера и С. Томпсона (Hopper, Thompson 1980).

4.1. **Вывод 1.** Глагол предрасположен к двувидовости, если для него менее, чем в обычном случае, актуальны стандартные видовые противопоставления, в первую очередь – самое универсальное видовое противопоставление "одно- VS многократность".

Этот вывод в общем и целом совпадает с выводами Л. Кнориной (Кнорина 1976), однако конкретный механизм нейтрализации видовых противопоставлений мы видим совершенно иначе: нейтрализация ключевого с ее точки зрения противопоставления "предел действия достигнут VS предел не достигнут" – это в лучшем случае только один из многих возможных вариантов.

4.2. **Вывод 2.** Нейтрализация противопоставления "одно- VS многократность" сопряжена у двувидовых глаголов с запретом на референциально неопределенные (а также дистрибутивно-множественные; этому вопросу мы уделяли меньше внимания, поскольку при дистрибутивной множественности по сути имеет место та же неопределенность) актанта.

Сравнение двувидовых глаголов с предельно близкими по значению "одновидовыми", аспектуально маркированными дает основания думать, что даже если обсуждаемый запрет был изначально мотивирован семантикой соответствующих глаголов, то позже он "оторвался" от своего конкретного источника и сам стал важнейшим признаком двувидовости;

иначе говоря, *природа двувидовости не семантическая (или – не столько семантическая), а референциальная.*

4.3. Вывод 3. В то же время указанное ограничение бросает "обратный свет" на смысл соответствующего глагола: ситуация представляется так, как если бы ее участники были слабо опознаваемы; это как правило приводит к удлинению той каузальной цепи, из которой слагается соответствующее глагольное действие. Учитывая, что характер этой каузальной цепи самым прямым образом связан с залогово-диатетическими свойствами глагола (Croft 1994), оказывается, что двувидовость имеет и очень интересный диатетический разрез, который заслуживает дальнейшего изучения.

4.4. Вывод 4. Обычно принимают, что существование двувидовых глаголов противоречит духу русского языка и именно поэтому наблюдается отчетливая тенденция к распаду двувидовости (за счет образования перфективных или имперфективных "пар" к двувидовому глаголу, по типу *женить – поженить, организовать – организовывать*). Можно ли этот тезис абсолютизировать, мы далеко не уверены – и позднее к вопросу вернемся (см. п. 4.8). Здесь отметим, что тенденция к распаду двувидовости безусловно есть, только понимать ее можно шире, чем обычно: в свете изложенного уже и "канонический", не имеющий перфективных или имперфективных соответствий двувидовой глагол через референцию своих актантов стремится все-таки *маркировать* свою видовую принадлежность. Если актанты тяготеют к определенности, то такой глагол гораздо скорее будет глаголом совершенного вида – так что считать двувидовые глаголы вполне безразличными к виду ни в коем случае нельзя.

4.5. Вывод 5. Поведение двувидовых глаголов служит дополнительным свидетельством в пользу хоть и принимаемого большинством аспектологов, но так и не получившего решающих доказательств (Jászay 1998) тезиса, что в видовой паре первичен *совершенный* вид.

Действительно, если двувидовой глагол – это глагол без формально выраженного вида и его аспектуальная интерпретация в известном смысле оставлена на усмотрение адресата, то первичным надо признать тот вид, к которому этот глагол *скорее* относится, то есть – совершенный.³³

³³ На это обстоятельство обратил наше внимание А. Богуславский. Заметим еще, что и *опущенный, нулевой* глагол в предложениях типа *А царица хохотать, А Иван Петра молотком по голове* и т.п. тоже чаще прочитывается как совершенный вид ('царица стала хохотать', 'Иван Петра ударил молотком'; ср. Wiemer 1996, особенно

4.6. **Вывод 6** касается более общего вопроса о статусе исключений в морфологии.

Найдется немало доводов в пользу тезиса, что такие исключения всегда или как правило чем-то оправданы. Скажем, супплетивизм пары *человек – люди* и ее эквивалентов во многих языках, равно как и супплетивное склонение предназначенных в первую очередь для называния человека личных местоимений и повторяющееся от языка к языку особое богатство их словоизменительной парадигмы (например, в русском есть *лицо*, которого нет у обычных существительных; в английском, французском и др. языках есть падеж, которого обычные существительные лишены) хорошо соотносится с многократно подтвержденной антропоцентричностью языка и исключительным положением человека в языковой картине мира.³⁴

Разумеется, двувидовые глаголы, у которых морфологическая исключительность коррелирует с необычностью смысловой (нейтрализация стандартных аспектуальных противопоставлений; достаточно необычный, особенно для агентивных переходных глаголов, запрет на неопределенность актантов) можно считать еще одним подтверждением названной гипотезы – гипотезы, чья разработка составляет одну из самых насущных задач современного функционализма (Кибрик 1999).

4.7. **Вывод 7.** Кроме того, наш анализ двувидовых глаголов можно рассматривать как частное подтверждение той теории транзитивности, которую выдвинули П. Хоппер и С. Томпсон (Hopper, Thompson 1980); см. тж. Hopper, Thompson 1982.

По их мысли, во-первых, транзитивность – это свойство целого предложения; во-вторых, степень транзитивности определяется богатым набором параметров, в частности, она высока, если глагол переходный (в традиционном смысле), если глагол – совершенного вида (и/или употреблен в перфектной временной форме), если актанты имеют определенную референцию; в-третьих, между повышающими и понижающими транзитивность факторами имеется взаимосвязь: как правило, если предложение высокотранзитивно в одном плане, такая же высокая транзитивность наблюдается и в других (хотя ясно, конечно, что это только тенденция, а не закон).

аналогичные в этом плане примеры на стр. 256). Это – еще один сходный аргумент в пользу первичности СВ.

³⁴ Более изысканный, но и сложный пример представлен в [Зельдович 2006]: мы показали, что запрет на пассивизацию предложений типа *Мария любит Ивана* вызван *повышенными требованиями к агентивности одушевленного субъекта* – и в этой особой взыскательности, по принципу *noblesse oblige*, тоже проявляется лингвистическая исключительность человека.

Свойства русских двувидовых глаголов с теорией транзитивности прекрасно согласуются, ибо имеется прямая корреляция между тем обстоятельством, что их актанты тяготеют к референциальной определенности, тем обстоятельством, что большинство двувидовых глаголов переходны, и предпочтительной их интерпретацией именно как совершенного вида.

4.8. Вывод 8, последний и с уклоном в дискуссию.

У этой медали есть, однако, и другая сторона. Обсудить ее особенно важно потому, что речь пойдет в конечном счете снова о том, являются ли двувидовые глаголы просто исключением из правил русской грамматики (а такая трактовка весьма популярна) или же исключением, но исключением в чем-то *закономерным*.

Как правило, если ситуация высокотранзитивна, в частности актанты определены, а вид глагола совершенный, то такая ситуация и *четко локализована во времени*.

Что же касается двувидовых глаголов, то за счет удлинения каузальных цепей и/или за счет выбора *абстрактных* актантов соответствующее действие локализуется во времени *хуже*, чем могло бы.

Если этим своим свойством двувидовые глаголы нарушают некоторую более общую тенденцию, то приписать его можно либо чистой случайности (что, разумеется, дискомфортно), либо духу русского языка – определенным лингвоспецифическим предпочтениям, которые, как всякое локальное правило, сильнее правила общего.

Говоря конкретнее, вполне возможно, что в русском языке действует тенденция к "расползанию" ситуаций во времени, к их частичной детранзитивизации либо (чаще) за счет вовлечения в ситуацию дополнительных, логически *не необходимых* компонентов, либо (реже) за счет того, что транзитивность не получает стандартного формального выражения.

Несколько примеров такой аморфности мы хотели бы привести.

Пример 1. Рассмотрим типично русскую синтаксическую модель с нулевым сказуемым, типа *А Иван все то же* (см. о них Wiemer 1996).

Характерно, что в таких конструкциях не обязательно, – по крайней мере, далеко не всегда обязательно – указывать, является ли действие переходным в традиционном смысле или нет: приведенная фраза может значить и 'Иван (по-прежнему) сидит' (непереходное), и 'Иван читает' (занятие; имплицитно переходное), и 'Иван бьет Петра' (переходное).

Если из видов глагола в таком предложении мы в отсутствие прямых индий скорее выбираем совершенный (см. выше примечание 33), то по части переходности предпочтений нет. В таком случае даже там, где говорящий имеет в виду нечто вроде 'Иван бьет Петра', транзитивность выражена слабее, чем при "стандартном" эксплицитном сказуемом.

Пример 2. Поразительно обилие и тонкая нюансированность тех средств – в первую очередь "способов действия" – с помощью которых в русском языке выражается многократность; (см. Апресян 2005, 10-11).

Ясно, что многократная ситуация хуже локализована во времени и потому менее транзитивна.

Пример 3. Как мы стремились показать в Зельдович 2005, краткая форма прилагательного – при условии, что в соответствующем контексте возможна и полная, – дополнительно сигнализирует о тех следствиях, которые вытекают из данной ситуации: говорящему здесь как правило особенно интересно, что будет *потом*. Ср. *Улица узкая* (просто описание улицы) – *Улица узка* (для говорящего важно, что вследствие этого нельзя проехать и т.п.).

В итоге ситуация оказывается "более протяженной" и, соответственно, менее транзитивной.

Языков, где имеется сопоставимая с русской краткая форма прилагательного, мы не знаем.

Пример 4. Рассмотрим предложения с объектным предикативным именем:

- (47) а. Ему ребенком запрещали курить;
 б. ^{??}Ему ребенком запретили курить

(они с легкими изменениями заимствованы из Nichols 1982, 343). Как пишет Дж.Никольс, несовершенный вид глагола здесь лучше потому, что в таком случае ситуация более "слитна": временная соотнесенность субситуации 'ему запрещали курить' (она может рассматриваться не как многократное повторение событий, а как одна целостная узуальная ситуация) и временная соотнесенность субситуации 'он был ребенком' здесь может быть одинаковой: во все то время, когда персонаж был ребенком, действовал запрет на курение.

Таким образом, условие (не единственное, конечно) успешного употребления объектного предикативного имени – это особая "спаянность", целостность ситуации (*cohesion*), которая, *вообще говоря*, может быть разложена на ситуации более простые. Иными словами, *две простые ситуации в таких русских конструкциях без логической необходимости соединяются в одну сложную*.

Другое проявление этой закономерности состоит в том, что часто объектное предикативное имя лучше, если имеется зависимый от него инфинитив; ср.:

- (48) а. [?]Ребенком родители ему помогали;
 б. Ребенком родители помогали ему писать сочинения

(с непринципиальными изменениями взято из Nichols 1982, 326).

Еще одно важное обстоятельство, которое не рассматривалось у Дж. Никольс, состоит в том, что чем "необычнее", "неожиданнее" объектное предикативное имя, тем вероятнее его согласованная форма – а не форма творительного падежа. Ср. примеры:

(48б) Ребенком (творительный падеж; согласованная форма *ребенку* архаична) родители помогали ему писать сочинения.

(49) Даже взрослому (согласованная форма; творительный падеж *взрослым* аномален) родители помогали ему писать отчеты.

Во втором примере между предикативным именем и остальным содержанием сказанного есть ощутимое противоречие, которое отчасти разрушает целостность ситуации, мешает "гладкой", беспрепятственной (smooth) интерпретации предложения – и эта потеря возмещается подчеркивающим их связанность согласованием предикативного имени *взрослому* с контролером *ему*.

Таким образом, и в последних двух случаях уместность предикативного имени повышается *при усложнении ситуации* – усложнении, которое логически не обязательно и чья желательность определяется особыми, специфическими правилами русского языка.³⁵

Пример 5. Этот пример несколько сложнее.

Бытует мнение (см., напр. Мельчук 2004), что страдательный залог значит то же, что и действительный, только меняет, так сказать, расстановку актантов. Мы думаем, что это неверно: при пассивной трансформации может меняться *тип предиката* (на это не раз указывал Т. Гивон, см. например Givón 1984b). Рассмотрим примеры:

- (50) а. Иван чинил машину (актив);
б. Иваном чинилась машина (пассив).

Предположим, что интонация обоих предложений нейтральна. Тогда ремой и в (а), и в (б) является либо *машина/машину*, либо *чинил машину/чинилась машина*. Так или иначе, по тема-рематической структуре эти фразы целиком аналогичны и потому удобны как минимальная пара.

Казалось бы, и смысл у предложений (а) и (б) тоже одинаковый – но это не совсем так. Только в первом случае *машина* без натяжек может быть референциально неопределенной, *какой-то*; ср.:

- (51) а. Иван чинил какую-то машину (актив);

³⁵ Во многих языках объектного предикативного имени нет, вместо него используются обороты типа английского *as a boy*.

б. ?Иваном чинилась какая-то машина (пассив).

Другую иллюстрацию этого же явления можно найти в примерах (52):

(52) а. В русло реки забивают сваи;

б. В русло реки забиваются сваи

(интонация в обоих случаях предполагается нейтральной). Фраза (б) уместна скорее тогда, когда забивание свай мыслится не само по себе, а как часть определенного сценария (например, реку собираются перекрыть сводом), фраза же (а) в этом отношении нейтральна, ср. *В русло реки зачем-то забивают сваи; ??В русло реки зачем-то забиваются сваи.* Очевидно, включение свай в некоторую "историю" еще не делает их референциально определенными в общепринятом смысле термина, но тяготение к определенности здесь несомненно.

Откуда же эта тенденция к определенности в предложениях (б)?

Дело тут отнюдь не в "подлежащем" статусе *машины* и *свай*: русское подлежащее, особенно рематическое, часто бывает неопределенным (*Вошел незнакомец; Пришло какое-то странное письмо*), – а в том, что страдательные предикаты *чинилась* и *забиваются* – не совсем того же типа, что действительные *чинил* и *забивают*.

Речь идет о давно известном различии между предикатами "сценического уровня" (stage level predicates) и предикатами "индивидуального уровня" (individual level predicates).³⁶ Предикат "сценический" нечто приписывает пространственно-временному фрагменту мира, его темой (обычно имплицитной и дейктической) является место и время (например, 'здесь, сейчас'). Предикат индивидуального уровня напрямую сообщает о подлежащем, и как правило это информация, которая актуальна для всей "жизненной истории" соответствующего объекта. Ср. соответственно: *Иван закричал* (сценический предикат) и *Иван был русским* (индивидуальный предикат).

Самый надежный тест, позволяющий разграничить два типа предикатов, – это тест на референциальную парадигму подлежащего Jaeger 2001. Только при сценическом предикате оно без оговорок может быть неопределенным, ср. *Вдруг закричала женщина* (не обязательно заранее известная, может быть – *какая-то*) и *Женщина была русской* (непрерывно – определенная); *Кто-то закричал* и *Кто-то был русским*.

Как мы видели, страдательные глаголы *чинилась*, *забиваются* референциальную неопределенность подлежащего допускают, но с ощутимой натяжкой, то есть, в отличие от действительных и несомненно сценических *чинил* и *забивают*, обнаруживают явный крен к *индивидуальности*.

³⁶ Из многочисленных публикаций на эту тему и своей полемической, и конструктивной частью особенно интересна статья Jaeger 2001; там же см. дальнейшую литературу.

Используя пассивную форму глагола, мы сигнализируем, что приписанный подлежащему признак более устойчив, более долговременен – то есть ситуация оказывается вновь-таки *менее транзитивной*. При этом существенно, что *логической необходимости в таком сдвиге вовсе нет*. Например, в английском языке страдательный глагол может быть полноценно *сценическим* предикатом, и даже в близком к русскому польском языке референциально неопределенное подлежащее в страдательном залоге намного естественнее, чем в русском; ср.:

- (53) а. Это неправда, что мастера не работают: ? вот сейчас чинится машина (=> вот сейчас чинят машину);
 б. It's wrong that repairmen don't work: a car is being repaired right now (англ., пассив безупречен);
 в. To nieprawda, że mechanicy nie pracują: w tej chwili jest naprawiany (jakiś) samochód (польск., пассив тоже не режет уха).

Это свойство русского пассива станет еще более выразительным и важным для наших рассуждений, если мы задумаемся над его происхождением.

Вообще говоря, предназначение страдательного залога состоит в том, чтобы *понизить ранг субъекта* (см. Comrie 1977, где показано, что имеющийся во многих языках безличный пассив – типа *Свистнуто* – по своим важнейшим свойствам смыкается с пассивом "обычным", типа *Книга читается Иваном*, однако никакого выдвигания объекта здесь нет: есть только "подавление" подлежащего; см. также Shibatani 1985; дополнительная аргументация, опирающаяся на материал русского языка, приводится в Зельдович 2009.

С другой стороны, если говорящий по-русски хочет понизить ранг одушевленного субъекта,³⁷ то к его услугам – неопределенно-личная конструкция типа *Машины чинят*, *На реке забивают сваи*. На этом фоне использование страдательного залога, который все-таки *предусматривает* синтаксическое место для субъекта (оно не всегда заполняется, но всегда может быть заполнено), скорее должно означать, что говорящему важно *выдвинуть объект в позицию подлежащего*.³⁸ В таком случае объект должен приобрести какое-то свойство, присущее подлежащему, но отсутствующее у прямого дополнения.

Вообще говоря, таких свойств у подлежащего достаточно много (см., Keenan 1976, где показано, что понятие подлежащего устроено по прото-

³⁷ Вопрос о предложениях с *неодушевленным* субъектом мы не рассматриваем. Они тоже заслуживают внимания, но во вторую очередь, ибо это уже не прототипические транзитивные конструкции; ср. примечание 13.

³⁸ Отсюда довольно распространенная иллюзия, что это и есть конститутивная черта страдательного залога, ср. Перцов 2003. Мы полемизируем с Н.В. Перцовым в Зельдович 2009.

типическому принципу: это целый конгломерат признаков, из которых далеко не все обязательны; см. тж. Taylor 1989), но самым важным – особенно среди свойств содержательных, а не формальных (таких, как влияние на выбор формы сказуемого, контроль над возвратным местоимением и деепричастием) – представляется то, на которое указывает А. Богуславский (Bogusławski 2000): подлежащим называется тот предмет, о котором говорящий *готов* (или – *в наибольшей степени готов*) *сказать что-то еще*. Именно отсюда – дрейф страдательного предиката от "сценничности" к "индивидуности": *чем больше хочет сказать о данном предмете говорящий, тем хуже соответствующая ситуация локализована во времени и тем скорее привязана не к определенному моменту, а к индивиду на протяжении всей его истории*.

Ключевым в этих рассуждениях является то, что *страдательный залог используется там, где могла бы использоваться неопределенно-личная конструкция*. В других языках, например в английском и польском, неопределенно-личная конструкция *тоже есть*, но крена к "индивидуности" у страдательного залога практически не замечается – потому что неопределенно-личные конструкции в таких языках намного менее распространены и меньше ощутимо, что пассив использован *вместо* них.

Иначе говоря: в русском языке сложилось то логически отнюдь не обязательное соотношение страдательной и неопределенно-личной моделей, при котором пассивный предикат приобретает отчетливую "индивидуальность" и за счет этого ситуация оказывается хуже локализованной во времени и менее транзитивной.³⁹

Подведем итоги. Если в русском языке имеется – пускай и второстепенная, действующая лишь в отдельных пунктах грамматической системы – тенденция к "расползанию" ситуаций во времени, к их аморфности, то и двувидовые глаголы с их обычно удлинённой каузальной цепочкой можно рассматривать не как вопиющее исключение из аспектологических правил, а как манифестацию той же самой тенденции. Возможно, здесь мы и находим разгадку, почему столь "чужеродное" явление существует в русском языке так долго и вовсе не сходит на нет.

³⁹ Мы далеки от мысли, что так обстоит *только* в русском языке. Существенно, однако, что есть достаточно много языков, которым русский по этой линии противопоставлен.

Summary

The paper seeks to show that (a) bi-aspectuality arises, where standard aspectual oppositions, in the first place that of singularity VS iterativity of the action, are partly or completely neutralized, perfective construal of relevant verbs being the preferable one; (b) the main factor favoring such a neutralization is the tendency towards referential definiteness of all of the verb's actants, which is the invariant feature of Russian biaspectual verbs; (c) the actants of biaspectual verbs are less "individuated" and tend to be referentially definite because of their abstract nature and/or because the causal chain denoted by the relevant verb is abnormally long as compared with what is logically necessary; due to the latter circumstance, the relevant action tends to be less direct and/or "hyper-perfective", i.e. its result is presented as more durable.

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю.Д. 2002. „Взаимодействие лексики и грамматики“, *Русский язык в научном освещении*, N. 1/3, 10-29.
- 2005. „О Московской семантической школе“, *Вопросы языкознания*, N. 1, 3-30.
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. 1997. *Лекции по русской аспектологии*, München.
- Зельдович Г.М. 2002. *Русский вид: семантика и прагматика*, Тогуń.
- 2005. *Русское предикативное имя*, Тогуń.
- 2006. „Страдательный залог и шкала агентивности“, *Glottodydaktyka i jej konteksty interkulturowe*, Warszawa, 197-207.
- 2009. *Синтетический пассив совершенного вида на -ся: Почему его (почти) нет*, (В печати).
- Кибрик А.А. 1999. „Три ахиллесовы пяты функционализма“, *Типология и теория языка. От описания к объяснению*, М., 36-49.
- Кнорина Л. 1976. „Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на *-оватъ*)“, *Семиотика и информатика*, Вып. 7. М., 62-78.
- Мельчук И.А. 2004. „Определение категории залога и исчисление возможных залогов“, *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. М., 286-314.
- Падучева Е.В. 1996. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.
- Перцов Н.В. 2003. „Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии“, *Вопросы языкознания*, N. 4, 43-71.

- Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1990. „Сирконстанты в толковании?“, Saloni Z. (red.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 201-210.
- Ackerman F., Moore J. 2001. *Proto-Properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection*, Stanford.
- Bogusławski A. 2000. „Remarks on passivization“, *Слово в тексте и словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д.Апресяна*, М., 345-355.
- 2004. „Remarks on quotative ‘saying’“, *Studies in Polish Linguistics*, vol. 1, 29-46.
- Carston R. 2002. *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication*, Oxford.
- Comrie B. 1976. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*, Cambridge.
- 1977. “In defense of spontaneous demotion: The impersonal passive”, Cole P., Sadock J.M (eds.), *Grammatical Relations. Syntax and Semantics*, 8, N.Y. etc., 47-58.
- Cooreman A. 1994. “A functional typology of antipassives”, Hopper P., Fox B. (eds.), *Voice: Form and Function*, Amsterdam, 49-88.
- Croft W. 1991. *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*, Chicago.
- 1994. “Voice: beyond control and affectedness”, Hopper P., Fox B. (eds.), *Voice: Form and Function*, Amsterdam, 89-117.
- Dowty D. 1991. “Thematic proto-roles and argument selection”, *Language*, 67/3, 547-619.
- Jaeger G. 2001. “Topic-comment structure and the contrast between stage level and individual level predicates”, *Journal of Semantics*, 18/2, 83-126.
- Jászay L. 1998. „К дискуссии видовой оппозиции. Привативность или эквиполентность?“, *Nyelv, stílus, irodalom*, Budapest, 270-275.
- 1999. „Видовые корреляты при двувидовых глаголах“, *Studia Russica*, XVII, Budapest, 169-177.
- Givón T. 1984a. *Syntax: A functional-typological introduction*, vol. 1, Amsterdam.
- 1984b. “Direct object and dative shifting: Semantic and pragmatic case”, Plank F. (ed.), *Objects*, London, 151-182.
- Hopper P., Thompson S. 1980. “Transitivity in grammar and discourse”, *Language*, 56, 251-299.
- Hopper P., Thompson S. (eds.) 1982. *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*, 15, N.Y. etc.
- Keenan E. 1976. “Towards a universal definition of ‘subject’”, Li Ch.N. (ed.), *Subject and Topic*, N.Y., 303-333.
- Kuno S. 1976. “Subject, topic and the speaker’s empathy”, Li Ch.N. (ed.), *Subject and Topic*, N.Y., 417-444.
- Kuroda, S.-Y. 1972. “The categorial and the thetic judgment”, *Foundations of Language*, 9, 153-185.
- Matsumoto Y. 1995. “The conversational condition on Horn scales”, *Linguistics and Philosophy*, 18, 21-60.

- Mieczkowska H. 1998. „Czasowniki dwuaspektowe w języku polskim i słowackim na tle innych języków słowiańskich“, *Z polskich studiów slawistycznych, seria IX, Językoznawstwo*, Kraków.
- Munro P. 1982. “On the transitivity of ‘say’ verbs”, Hopper P., Thompson S. (eds.), *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*, 15, N.Y. etc., 301-318.
- Nichols J. 1982. “Prominence, cohesion, and control: Object-controlled predicate nominals in Russian”, Hopper P., Thompson S. (eds.), *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*, 15, N.Y. etc., 319-350.
- Burton-Roberts N. (ed.) 2007. *Pragmatics*, Basingstoke.
- Shibatani M. 1985. “Passive and related constructions: A prototype analysis”, *Language*, 61, N. 4, 821-848.
- Slobin D. 1982. “The origin of grammatical encoding of events”, Hopper P., Thompson S. (eds.), *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*, 15, N.Y. etc., 409-422.
- Sperber D., Wilson D. 1995. *Relevance: Communication and Cognition*, Oxford.
- Taylor J. 1989. *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistics Theory*. Oxford.
- Timberlake A. 1986. “Hierarchies in the genitive of negation”, R.D.Brecht, Levine J.S. (eds.), *Case in Slavic. Columbus*, 338-360.
- Wiemer B. 1996, „Классификация нулевых сказуемых в русском языке по их лексическим и референциальным характеристикам“, *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 33, Warszawa, 245-273.